

Эффект палладиума: ценности великих держав в эпоху искусственного интеллекта

The Palladium Effect: Great Power Values in the Era of Artificial Intelligence

DOI: 10.12737/2587-6295-2023-7-4-3-32

УДК 321

Получено: 12.10.2023

Одобрено: 16.11.2023

Опубликовано: 20.12.2023

Федорченко С.Н.

Д-р полит. наук, старший научный сотрудник, профессор кафедры управления наукоемкими отраслевыми и региональными проектами НИЯУ МИФИ; доцент кафедры истории и теории политики МГУ имени М.В. Ломоносова.

e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Fedorchenko S.N.

Doctor of Political Science, Senior Researcher, Professor of the of the Department of Management of Science-Intensive Industry and Regional Projects NRNU MEPhI; Associate Professor of the Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University.

e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Аннотация

Целью статьи является выявление особенностей развития современных великих держав на фоне их цифровых противоречий и ценностной специфики для определения сценариев развития будущего политического миропорядка. *Методологической линзой* стали принципы критического дискурс-анализа академической литературы, сравнительного анализа ценностных ориентиров, а также нормативной основы внедрения технологий искусственного интеллекта в современных великих державах – России, США и Китае. В качестве гипотезы автором предложен *эффект палладиума*, согласно которому великая держава, получая возможность изменить мировой порядок исходя из своих интересов, будет к этому стремиться, используя современные технологии, апеллируя к справедливости и учитывая собственные ценностные ориентиры. Эффект палладиума автором изучался в контексте аналитической проверки «ловушки Фукидида». Параллельно были рассмотрены теоретические схемы «двойной ловушки Фукидида» и «обратной ловушки Фукидида». Также в качестве концептуальной рамки была учтена теория идеологии Л. Альтюссера и ряд тезисов современного реализма. В *выводах* обозначено, что ключом к возникновению экономически и политически выгодной, комфортной для великой державы цифровой ойкумены, ИИ-пространства становятся ее налоговые резиденты-цифровые корпорации, вырабатывающие и распространяющие цифровые стандарты в других странах. В этой ситуации России стратегически необходимо с целью сохранения ее ценностного суверенитета и цифрового суверенитета (как форм государственного суверенитета) инициировать протекционистские меры для своих цифровых корпораций, политику их поддержки за рубежом, создавать благоприятные условия в государственно-частном партнерстве, финансировании, привлечении венчурного капитала в сфере развития технологий искусственного интеллекта. Помимо этого, обозначены ключевые тенденции в области ИИ-соперничества и варианты аксиоматии (ценностного противостояния) великих держав, а также предложены основные *сценарии* эволюции политического миропорядка – Triplex Mundi, Duplex Mundi и Multiplex Mundi.

Ключевые слова: палладиум, искусственный интеллект, ценности, великие державы, информационные войны, геополитика, средние державы, малые державы, алгоритмы, ловушка Фукидида.

Abstract

The purpose of the article is to identify the features of the development of modern great powers against the background of their digital contradictions and value specifics in order to determine scenarios for the development of the future political world order. The methodological lens was the principles of critical discourse analysis of academic literature, comparative analysis of value orientations, as well as the normative basis for the introduction of artificial intelligence technologies in modern great powers – Russia, the USA and China. As a hypothesis, the author suggests the Palladium effect, according to which a great power, being given the opportunity to change the world order based on its interests, will strive for this using modern technologies, appealing to justice and taking into account its own value orientations. The Palladium effect was studied by the author in the context of the analytical verification of the "Thucydides trap". L. Althusser's theory of ideology and a number of theses of modern realism were also taken into account as a conceptual framework. The conclusions indicate that the key to the emergence of an economically and politically profitable digital environment, comfortable for a great power, is its tax residents-digital corporations that develop and distribute digital standards in other countries. In this situation, Russia strategically needs to initiate protectionist measures for its digital corporations, a policy of supporting them abroad, create favorable conditions for public-private partnerships, financing, and attracting venture capital in the field of artificial intelligence technology development in order to preserve its value and digital sovereignty (as forms of state sovereignty). In addition, key trends in the field of AI competition and variants of the axiomatic (value confrontation) of the great powers are identified, and the main scenarios for the evolution of the political world order are proposed – Triplex Mundi, Duplex Mundi and Multiplex Mundi.

Keywords: palladium, artificial intelligence, values, great powers, information wars, geopolitics, middle powers, small powers, algorithms, Thucydides trap.

*Из всех мирских наук самая благородная наука и всем госпожа
– это политика или королевская мудрость.
И из всех [наук] она наиболее пристойна королям и их советникам.
Юрий Крижанич, «Политика»*

Введение

Перед тем как приступить к исследованию, необходимо сказать несколько слов о текущем тематическом номере, который непосредственно связан с затрагиваемой автором статьи ценностной проблематикой и посвящен мировоззренческой тематике и образу будущего. Статья С.В. Володенкова, В.В. Зотова и Г.Р. Консона «Образ цифрового будущего как модель конституирования реальности: сценарии формирования и репрезентации» затрагивает не только сценарные вопросы, но и подчеркивает, что важным элементом является создание просоциального образа будущего без деструкции традиционных ценностей. Другое коллективное исследование О.Ю. Шмелевой, С.А. Судьина, Р.В. Голубина, А.П. Шмелева «Образ будущего российского государства в политическом мировоззрении студенческой молодежи: социологический анализ» касается целого ряда категорий «мировоззрение – социальные установки – представления – перцепция». Примечательно, что выявленный образ будущего государства выделяется позитивным характером восприятия. В статье С.П. Поцелуева «Стереотип как институциональный ресурс политики памяти: случай российского поколения Z» приводится важный вывод о том, что стереотипы выполняют ключевую функцию в формировании образа исторических эпох среди российской молодежи. Тогда как в исследовании «Состояние гражданской солидарности городских и сельских территорий Юга России» Н.Т. Русия и Д.Н. Ракачев на основе экспертных интервью определили важнейшие

факторы развития гражданской солидарности – ценностный и институциональный, внешние угрозы и вызовы и т.п. Также в номере представлены и другие интересные работы.

Представляется важным начать номер именно со статьи, ориентированной на изучение великих держав, так как именно этот тип государств станет определять ценностную повестку в мире при активном внедрении технологий искусственного интеллекта в обществе и государстве в ближайшем обозримом будущем.

Современный миропорядок постепенно меняется. Такое уже не раз случалось за всю историю международных отношений. Причинами трансформаций являются самые разные факторы, наиболее соответствующие своей эпохе, – экономические, военные, геополитические, культурные, технологические, демографические. Как правило, играет роль сочетание нескольких факторов. Но важнейшее значение в мироустройстве во многие исторические периоды, в том числе и в настоящую эпоху искусственного интеллекта, сохраняет фактор великих держав. От их ценностно-цивилизационной мотивации, политических и экономических интересов, специфики взаимоотношений зависят так называемый баланс сил в мире и сам характер международных процессов, их степень конфликтности.

Хорватский и русский политический мыслитель, богослов Юрий Крижанич, написавший, будучи в России, книгу «Политика», один из первых начал анализировать такой феномен, как великие державы. Называя их «великими королевствами» или «могущественными королевствами», Крижанич в разделе «О королевской славе» объяснял, связывая их существование со специфической миссией: «...Бог создал и предназначил для усмирения высокомерных тиранов и роскошествующих городов не только эти четыре королевства – Ассирийское, Персидское, Греческое и Римское, но (как мы уже ранее говорили) и все остальные, какие есть на земле великие, могущественные и знаменитые королевства. Чтобы мир, справедливость и законность сохранялись на свете и добром и силой» [11, с. 423]. Иными словами, мыслитель видит смысл в применении силы «великим королевством» для установления справедливого и законного миропорядка. Правда, в этом же отрывке Крижанич описывает интересный эффект, при котором прежние «великие королевства» постепенно отходят от своей миссии поддержания справедливого миропорядка и в итоге за это наказываются новыми «великими королевствами»: «Однако и сами великие королевства обычно начинают возноситься и забывать Бога, и со временем бывают за это наказаны иными [народами]» [Там же].

Безусловно, что подобный эффект либо схожие с ним процессы описывал не только Крижанич (достаточно вспомнить концепцию «Москва – Третий Рим» Филофея), который сам ссылается на идею пророка Даниила о сменяющих друг друга царствах. Но политический мыслитель пошел дальше, высказав идею, что такие «великие королевства» сопоставимы друг с другом и «...ни одному из этих королевств Бог никогда не давал власти над всем светом». Выражаясь современным языком, согласно Крижаничу, «великому королевству» дана миссия установления справедливого миропорядка, а не подчинения всего мира своей власти. Также Крижанич делает принципиальный шаг в политическом анализе, отходя от древней модели последовательной смены гегемонии великих держав¹ к модели параллельного существования сразу нескольких великих держав: «...в нынешнее время, после падения Римского царства, Персидское, Французское, Турецкое, Испанское и Русское королевства во всем равны древнему царству Августа... А Русское наше королевство и подавно равно Римскому, раз никогда не было под властью Рима» [11, с. 424].

Даже если великая держава лишь подкрепляет, легитимирует свои политические и экономические претензии собственными ценностями, последние не могут долгое время играть

¹ Тот же Данте Алигерья, рассматривавший в своем политическом трактате «Монархия» идею всемирной монархии в контексте обеспечения всеобщего мира, тоже не отошел от модели последовательной смены гегемонии могущественных государств.

второстепенную, подчиненную роль, иначе такая двойственность снизит доверие населения к элите великой державы и подорвет легитимность политической власти, связывающей свою внешнюю и внутреннюю политику с ценностной риторикой. В этом механизме сохраняет свое значение и эффект храповика: великая держава, единожды встав на путь обоснования любой своей политики, миссии ценностной повесткой, не может уже от нее полностью отказаться. Возможно, поэтому в своей «Политике» Крижанич не просто повторил древнюю легенду, а практически кратко описал суть эффекта палладиума – пока государство бережет свои ценностные ориентиры, оно непобедимо: «...волхвы предсказали, что Троя дотоле будет необоримой и непобедимой, пока в ней будет находиться Палладиум. Поэтому троянцы берегли этот свой Палладиум, как зеницу ока, но все же грек Уллис украл его у них, и город погиб. Наш русский Палладиум – несмещение с [чужими] народами и закрытие или охрана рубежей. И доколе это будет в целости, дотоле и королевство по Божьей милости уцелеет, и народ будет чтим» [11, с. 398]. Это напоминает опасения Платона о рисках «смещения нравов» при общении с чужестранцами, высказанные философом в двенадцатой главе его «Законов» [16, с. 386]. Описанная Крижаничем *ксеномания* – «это бешеная любовь к чужим вещам, чрезмерное, бешеное доверие к чужеземцам» [11, с. 194]. Хотя мыслитель и выступал за развитие ремесел, технологий, использование существующего опыта, но только в интересах государства и его населения.

Здесь можно напомнить, что миф о похищении Диомедом и Одиссеем Палладиума (др.-греч. *παλλάδιον*, лат. *palladium*) был изначально связан идеей *сакрального оберега государства* и самой государственности². В дошедшем до нас мифе из «Мифологической библиотеки» Псевдо-Аполлодора Палладиум (Палладий) был даром Зевса для Дардана либо его сына Ила, основателя Трои. Палладиум описывается как небольшая статуя с копьем в правой, веретеном и прялкой в левой руке. Легенда о Палладиуме приводится в «Дневнике Троянской войны» Диктиса Критского, «Фастах» Овидия. «Энеида» Вергилия так нам передает легенду о похищении Палладиума из Трои:

«В храм священный вошли, роковой оттуда Палладий
Силой исторгли, убив сторожей высокой твердыни,
Образ священный схватив, дерзновенно смели коснуться...» [4].

Есть упоминания, что палладиум был перенесен Афины, Спарту, Аргос. О наличии палладиума в Риме³ писали Вергилий, Плиний Старший, Валерий Максим. Согласно поздней античной версии, император Константин перенес палладиум из Рима в Константинополь⁴, новую столицу Римской империи.

Применительно к современной политической сфере *эффект палладиума* можно сформулировать следующим образом: *великая держава, получая возможность изменить мировой порядок исходя из своих интересов, будет к этому стремиться, используя современные технологии, апеллируя к справедливости и учитывая собственные ценностные ориентиры*. Прокомментировать данный эффект можно следующими тремя основными тезисами:

1. Великие державы легитимируют свою особую роль в международных отношениях среди остальных держав миссией по обеспечению справедливого миропорядка.

2. Справедливость миропорядка великие державы понимают исходя из своих ценностных ориентиров, в том числе цивилизационных, а не только политических и экономических интересов.

² В «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» русский историк Н.М. Карамзин считал самодержавие палладиумом России. Такую трактовку, конечно, также можно отнести к проблеме сохранения политических ценностей. Но эффект палладиума подразумевает фактор учета, сохранения ценностей в более широком диапазоне, а не только в политическом.

³ Отмечалось, что палладиум был в храме Весты.

⁴ Считалось, что сакральный оберег государства находился под колонной Константина на его форуме в Константинополе (Новом Риме). Ныне – Стамбул в Турции.

3. В периоды обострения конкуренции за влияние на международные отношения великие державы применяют современные технологии, обосновывая свои действия несправедливостью существующего миропорядка.

Кратко выражаясь, эффект палладиума – это *понимание великой державой того, что при опоре на свои ценности и технологии в политике она сможет справиться с любой опасностью*. И такое понимание должно быть, прежде всего, у политической элиты великой державы. Основательные риски здесь видятся в использовании технологий искусственного интеллекта в конфликтах между великими державами при их ценностных противоречиях.

Аксиомахия, как противостояние великих держав на основе ценностных ориентиров, является перспективной областью в политическом анализе и прогнозировании действий, реакций данного типа государств, позволяя объективно и критически переосмыслить доктрины политического реализма, неореализма, конструктивизма, выходя за пределы экономикоцентризма и либеральной аналитики геополитических процессов. Но самые ранние исследования великих держав всецело касались проблематики баланса сил, геополитики, по сути, игнорируя ценностный аспект их противоборства. Феномен великих держав стал изучать немецкий ученый Л. фон Ранке, впервые употребивший эту категорию в своей одноименной книге «Die groben Mächte» (1833 г.). Ранке отталкивался от мысли, что страна является великой державой, если способна противостоять целым объединениям государств [34]. Следующий шаг в анализе великих держав сделал Ф.И. Тютчев, который в своем незавершенном трактате «Россия и Запад» (1849 г.) прямо указывал, что после переноса имперской традиции на Восток из Рима, истинной империей является Россия [19, с. 118-120]. Ф.И. Тютчев, как и Данте Алигерри, связывал идею вселенской монархии с преемственностью от Рима, но, в отличие от итальянского мыслителя, полагал, что Запад лишь узурпировал идею империи. Вероятно, изучение противоборства современных великих держав невозможно проводить в отрыве от их претензий на имперское наследие, исторической памяти об имперском прошлом, самой позднеантичной и средневековой идеи «перехода империи» (лат. *translatio imperii*).

Методологическая линза

Недостаточная разработанность аксиологического вопроса взаимоотношений современных великих держав в эпоху массового внедрения технологий искусственного интеллекта потребует использования соответствующей методологической оптики. В качестве таковой будут выступать принципы критического дискурс-анализа академической литературы, сравнительного анализа ценностных ориентиров, а также нормативной основы внедрения технологий искусственного интеллекта в современных великих державах – России, США и Китае. Эффект палладиума будет рассмотрен, уточнен и конкретизирован, исходя из предположения о том, что современные великие державы, борясь за политическую и экономическую гегемонию в мире, используют технологии искусственного интеллекта не только в информационной войне, но и в ценностной войне – аксиомахии. Также в работе в качестве концептуальной рамки была учтена теория идеологии Л. Альтюссера и ряд тезисов современного реализма. При этом целью статьи будет выявление особенностей развития современных великих держав на фоне их цифровых противоречий и ценностной специфики для определения сценариев развития будущего политического миропорядка. Дополнительной исследовательской задачей стала аналитическая проверка «ловушки Фукидида», теории Г. Аллисона.

Ловушка Фукидида

Прояснить эффект палладиума в условиях наложения ценностной и информационной войны может теория американского политолога Г. Аллисона, условно обозначенная им как «ловушка Фукидида» (англ. *Thucydides's trap*) в 2012 г. в *Financial Times*. Ловушка Фукидида предполагает ситуацию, когда страх прежней великой державы перед нарастающей силой новой великой державы может привести к конфликту, в том числе военному. Действительно, древнегреческий историк и полководец Фукидид в своей «Истории» дает объяснение началу

Пелопонесской войны между Афинами и Спартой: «Истинным поводом к войне (хотя и самым скрытым), по моему убеждению, был страх лакедемонян перед растущим могуществом Афин, что и вынудило их воевать» [21, с. 19]. Аллисон так описывает это явление: «Ловушка Фукидида характеризует естественное и неизбежное напряжение отношений, которое возникает, когда новая сила угрожает вытеснить правящую. Это возможно в любой сфере деятельности, но последствия наиболее опасны в международных делах. В исходном, инвариантном, если угодно, случае ловушка Фукидида привела к войне, которая поставила Древнюю Грецию на колени, и с тех пор эта угроза пугала дипломатов на протяжении тысячелетий» [2, с. 17].

Следует отметить, что политологическое сообщество неоднозначно оценивает идею Аллисона. Р. Ханания, научный сотрудник Института изучения войны и мира имени Арнольда А. Зальцмана при Колумбийском университете, критически относится к формуле ловушки Фукидида, считая, что ей противоречит тот факт, что США изначально шли к экономическому успеху, не оспаривая политическое могущество других стран, а современный Китай, несмотря на экономический рост, «не проявляет особого интереса к военным инвестициям»⁵. Но это не совсем так. США перед тем, как обрести политическое могущество и претендовать на статус великой державы провели ряд локальных военных кампаний. В дальнейшем в XX в. США два раза противостояли Германии, а также противостояли СССР в ходе «холодной войны». Что касается Китая, то он уже имеет военную базу в Джибути и активизирует свое влияние на ряд стран в культурном, технологическом, медийном и экономическом плане. КНР не только реализует инициативу «Один пояс, один путь», но и начинает создание собственной цифровой ойкумены через план «Цифрового шелкового пути». Поэтому и сейчас любая великая, средняя или малая держава может столкнуться с той ситуацией, которая описывается Фукидидом в драматичном Мелосском диалоге (книга 5, глава 89), где афиняне прямым текстом говорят о роли силы в политике: «Ведь вам, как и нам, хорошо известно, что в человеческих взаимоотношениях право имеет смысл только тогда, когда при равенстве сил обе стороны признают общую для той и другой стороны необходимость. В противном случае более сильный требует возможного, а слабый вынужден подчиняться» [21, с. 387]. Остается только выяснить, как здесь сработает эффект палладиума – какими ценностными ориентирами будет руководствоваться великая держава при конструировании нового мирового порядка.

Тогда как Дж. Най из Гарвардского университета, скептически оценивая ловушку Фукидида, пишет, что, наоборот, внутренние проблемы Китая, скорее, приведут к его ослаблению, а не к превращению в великую державу. Политолога не убедило и исследование Аллисона, где тот показал, что с 1500 года в 12 из 16 случаев итогом противостояния растущей и существующей держав была крупная война. Най в противовес Аллисону выдвинул идею «ловушки Киндлбергера»⁶ – ситуации, при которой новая великая держава еще неспособна выполнять глобальные функции слабеющей прежней великой державы, что влияет на мировой порядок⁷. Профессор Пенсильванского университета А. Уолддорн также высказал мнение, что Китай еще экономически слаб для конфликта уровня ловушки Фукидида⁸. Однако аргумент о

⁵ Hanania R. There Is No Thucydides Trap Between the U.S. and China //Real Clear Defense. 2020. June 8. URL:

https://www.realcleardefense.com/articles/2020/06/08/there_is_no_thucydides_trap_between_the_us_and_china_115359.html?mc_cid=c2be98be31&mc_eid=d3ed9e75dc (дата обращения: 05.09.2023).

⁶ Чарльз Киндлбергер, в честь которого Дж. Най ввел понятие «Ловушки Киндлбергера», был одним из разработчиков плана Маршалла. Он утверждал, что проблемное десятилетие 1930-х гг. возникло из-за того, что США после того, как они заменили Британию в статусе великой державы, были неспособны поддерживать глобальные общественные блага.

⁷ Nye J.S. The Kindleberger Trap //Belfer Center of Science and International Affairs. URL: <https://www.belfercenter.org/publication/kindleberger-trap> (дата обращения: 05.09.2023).

⁸ Waldron A. There is no Thucydides Trap //SupChina. URL: <https://web.archive.org/web/20190918091727/https://supchina.com/2017/06/12/no-thucydides-trap/> (дата обращения: 05.09.2023).

слабости Китая можно применить и к самим США, когда они после гибели СССР и крушения биполярной системы мироустройства, не смогли долго выполнять миссию дизайнера однополярного мирового порядка, будучи неспособными разрешить прежние и новые военные, политические и экономические конфликты между странами. Кроме того, такие аргументы ставят США и Китай в состояние некоего одиночества, не учитывая, что великие державы могут втягивать в ловушку Фукидида другие государства и целые международные организации – от НАТО до БРИКС. Например, Р.Л. Ротштейн, сравнивая великую державу с малой державой, отмечает, что последний тип государства не может полагаться лишь на свои силы и должен вступать в союзы с другими странами, чтобы обеспечить свою безопасность [36, р. 29]. Критика Ная и Уолдорна полностью игнорирует и фактор еще одной великой державы – России. Другое дело, что концептуальная схема ловушки Фукидида нуждается в переосмыслении, хотя бы потому, что она должна иметь объяснительный и прогнозный потенциалы не относительно биполярных отношений, а применительно к современному складывающемуся многополярному миропорядку, где ведущую роль играют три великие державы – Россия, США и Китай.

Заслуженный профессор политологии имени Р. Венделла Харрисона Чикагского университета Дж. Миршаймер, как сторонник реализма (одним из основоположником которого, кстати, считается Фукидид), полагает, что в современном мире складываются две линии конфронтации из трех великих держав – «США – Россия» и «США – Китай». В своем анализе через реалистический подход американский политолог отталкивается от предположения, согласно которому государства, особенно великие державы, взаимодействуют и борются за власть в анархической системе, в которой над ними нет никакого арбитра, регулирующего их отношения [33]. При этом, великие державы обладают наилучшим наступательным потенциалом в военном плане, будучи способными нанести друг другу существенный ущерб. Неопределенность намерений государств создает условия взаимных опасений, недоверия и страха. Такие анархические условия заставляют великие державы рационально беспокоиться о своей безопасности, наращивая собственную мощь и претендуя на региональную гегемонию. Взаимные опасения усиливаются так называемой «дилеммой безопасности», когда одна сторона может интерпретировать действия, активность по самозащите другой стороны как подтверждение наступательных планов [33].

Фактор «дилеммы безопасности» вполне укладывается в модель ловушки Фукидида. Единственно, Миршаймер уточняет, что противостояние «США – Россия» вызвано не страхом перед возрождающейся российской военной мощью, а американской агрессивной политикой расширения НАТО в Восточной Европе. «Красной чертой» и экзистенциальной угрозой для Москвы стало обещание Вашингтона включить Украину (а также Грузию) в свой военно-политический альянс (2008 г., Бухарестский саммит НАТО). Это был фатальный шаг Запада. О таких экзистенциальных рисках до Миршаймера предупреждал российский политолог В.Л. Цымбурский, выделивший особый территориальный пояс, окаймляющий «Остров Россия» от Кореи до Прибалтики, – Великий Лимитроф. Модель Цымбурского оспаривала идею С. Хантингтона о существовании четких «цивилизационных разломов». Напротив, российский политолог рассуждал о лимитрофах, как о территориях, где есть смешение разных цивилизационных признаков [22, с. 12], также он выделял у каждой цивилизации ее периферию и ядро, определяя последнее как «особое, самодовлеющее человечество на особой земле» [22, с. 9], вовсе не предполагая некую замкнутость и изоляционизм такой общности. Цымбурский подчеркивал, что лимитрофные территории – это барьер, пояс безопасности цивилизации (например, России), необходимый для предотвращения столкновений с другими цивилизациями (с западной цивилизацией, к примеру) [23, с. 44-45].

Что особенно важно, Дж. Миршаймер обращает внимание на доминирование на Западе либеральных ценностных ориентиров, генерирующих стереотипное отношение к международной политике, при котором идеализируются такие политические режимы как либеральные демократии, а автократии рассматриваются как главные инициаторы войн (тем самым на примере внешнеполитической активности США просматривается эффект

палладиума). К примеру, американский президент во время саммита АТЭС в Сан-Франциско (Калифорния) в ноябре 2023 г. так выразился о китайском лидере: «Послушайте, он диктатор в том смысле, что он один управляет коммунистической страной, правительство которой полностью отличается от нашего»⁹. Однако, по мнению Миршаймера, тип политического режима не играет здесь большой роли. Напротив, либеральные ценности используются для того, чтобы сделать весь мир похожим на Запад [33]. С этой целью и происходят попытки смены политических режимов (войны США в Югославии, Ираке, Афганистане, опосредованная война в Никарагуа и т.п., попытки свержения режимов в Египте, Ливии, Йемене и Сирии, «цветные революции» на постсоветском пространстве) через прямое вмешательство либо технологии социальной инженерии. Если опираться на такую логику, то Россия и Китай, как великие державы и региональные гегемоны, могут рассматривать вмешательство Запада, в том числе и на уровне либерально-ценностной интервенции, как непосредственную угрозу своей безопасности и интересам в Восточной Европе (Украина) или Юго-Восточной Азии (Тайвань). Это все равно, если бы Китай или Россия стали бы размещать военные базы и проводить активную политику в странах Латинской Америки, нарушив доктрину Монро, согласно которой Соединенные Штаты считают себя, как великая держава, региональным гегемоном.

Каждая великая держава – Россия, США, Китай – ориентированы на поддержание баланса сил в жизненно важных для себя регионах. Либеральная же гегемония США подразумевает их доминирование в любой части земного шара, однако, как считает Миршаймер, это стратегия банкротства [32], виновниками которой являются представители группы внешнеполитического истеблишмента «Blob», состоящей из демократов и республиканцев. В результате такой стратегии войны бушуют в тех странах, где Вашингтон пытался изменить политические режимы, а террористические сети только расширились. Американский политолог уверен, что вместо такой непосильной и провальной миссии США должны сфокусировать свое внимание на трех регионах – Европе, Восточной Азии и Персидском заливе, имеющих для американцев интерес с точки зрения безопасности, не допустив там возникновения региональных гегемонов. Кстати, об этом также писал другой представитель политического реализма С. Уолт.

Главный научный сотрудник ИНИОН РАН, доктор политических наук Д.В. Ефременко указывает, что уже сейчас можно говорить о «двойной ловушке Фукидида», в которую попадают не только прежняя великая держава США, новая великая держава КНР и возрождающаяся великая держава Россия, но и все мировое сообщество. По его мнению, Америка попала в положение Спарты, твердо решив из-за неуверенности или страха воспрепятствовать подъему Китая, уподобляющегося восходящим Афинам, что как раз описывал Фукидид [8]. Сравнивая американско-советскую биполярность с намечающейся новой американско-китайской биполярностью, российский политолог подчеркивает, что в современной модели противостояния задействовать идеологическую (ценностную) компоненту в основном стараются лишь Соединенные Штаты, тогда как КНР пока предпочитает не обращаться к такому формату конкуренции.

Но ситуация с Китаем неоднозначна. Россия до недавнего обострения отношений с Западом также практически не обращалась к своим ценностным ориентирам в подобном противостоянии, но сейчас ситуация кардинальным образом изменилась. Схожие метаморфозы возможны и с Китаем. Ведь уже разворачивается сеть международных культурно-образовательных Институтов Конфуция, поддерживаемая Государственной канцелярией по распространению китайского языка Министерства образования КНР. Популяризация цифровых платформ, конструируемых китайскими технологическими корпорациями, рано или поздно станет дополнительным условием и для продвижения ценностей Китая. Примечательно, что Ефременко не исключает сценарий биполярного

⁹ Байден по итогам переговоров с Си Цзиньпином вновь назвал его «диктатором». URL: <https://www.interfax.ru/world/930763> (дата обращения: 16.11.2023).

соперничества Китая и США из-за фактора тех же техноэкономических платформ. Конкуренция цифровых платформ может подорвать прежнюю симбиотическую модель Кимерики – парадоксальную взаимозависимость двух стран, при которой Китай наращивал экспортную активность и скупал американские долговые обязательства, а в Америке тем самым стимулировалось потребление товаров и услуг [8].

Цифровые платформы, скорее, будут формировать разные метавселенные со своей социотехнической средой, финансовыми транзакциями и политическими коммуникациями между обществом и государством, а также станут инструментом продвижения политических и экономических интересов Пекина и Вашингтона в других странах. Вполне вероятно, что уход от прежней модели Кимерики, слом системы однополярного мира, где США, как великая держава, были дизайнером и гарантом существующей финансовой системы, будет опираться на внутривнутриполитическую и внешнеполитическую риторику ценностных ориентиров восходящих великих держав. Причем, находясь в ловушке Фукидида, нынешняя великая держава США станет защищать выгодную себе систему мирового порядка, опираясь на либеральные ценности, а восходящие державы Россия и Китай, – начнут пытаться менять мироустройство, учитывая свои ценностные ориентиры. *И, если легитимация смены миропорядка на внешнюю аудиторию станет объясняться справедливостью, то само понимание данной справедливости будет зависеть от ценностных ориентиров великих держав, в первую очередь, важных для их внутренней аудитории. Тем самым сработает эффект палладиума.* Помимо этого, нельзя полностью исключать того, что эффект палладиума в определенный период обострит ценностный конфликт (аксиомахию), в ходе которого ценностные ориентиры восходящих великих держав станут транслироваться и на другие государства, внешнюю аудиторию, как когда-то произошло в случае восхождения Соединенных Штатов. Эти периоды обострения геополитической конкуренции для восходящих держав становятся «окнами возможностей» и вполне укладываются в концептуальную схему ловушки Фукидида либо ее варианта – двойной ловушки Фукидида. Но есть ли признаки этих «окон возможностей», обострился ли политический дискурс прежней и восходящих великих держав касательно справедливости миропорядка? Наличие таких признаков лучше проверить на примере анализа заявлений ведущих политиков и проектов великих держав.

Россия, как великая держава, имеет целую историю политических проектов по созданию справедливого миропорядка, которые она предлагала странам в разные периоды [14]. Это «Рассуждения о мире и войне» дипломата В.Ф. Малиновского, «всеобщий союз» И.А. Каподистрии и К.В. Нессельроде, «новый кодекс международного права» Александра I и А.А. Чарторыйского и т.п. Характерно, что данные политические проекты предлагались из-за деградации прежней Вестфальской системы международных отношений. В результате Россия сыграла активное участие в разработке новой Венской системы мироустройства. Тогда как Советский Союз, наряду с США, был одним из создателем Ялтинско-Потсдамской системы мирового порядка. 1 октября 2022 г. российский президент В.В. Путин в поздравлении Си Цзиньпина по случаю 73-й годовщины КНР, отметил следующее: «Несмотря на сложность международной обстановки, мы успешно сотрудничаем на самых различных направлениях, объединяем усилия в целях построения более демократичного и справедливого миропорядка, противодействия современным угрозам и вызовам»¹⁰. Год спустя, 10 октября 2023 г., глава МИД РФ С.В. Лавров в своей статье обозначил схожий тезис: «На наших глазах выковывается новый, более справедливый многополярный миропорядок, отражающий культурно-цивилизационное многообразие мира. Контур будущего рождаются в борьбе»¹¹.

Китай также начинает проявлять активность к дискурсу о формировании справедливого миропорядка. Так, еще в 2015 г. Си Цзиньпин сделал следующее заявление: «В мире не

¹⁰ Путин В. Си Цзиньпину, Председателю Китайской Народной Республики. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/69473> (дата обращения: 05.09.2023).

¹¹ Лавров заявил о формировании справедливого многополярного миропорядка. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/69473> (дата обращения: 01.11.2023).

существует «ловушки Фукидида», но если крупные державы будут повторять стратегические просчеты между собой, то они могут создать для себя «ловушку Фукидида»¹². На саммите АТЭС в ноябре 2023 г. Си Цзиньпин также подчеркнул, что конфронтация будет невыносимой для обоих государств (Китая и США)¹³. Любопытно, что КНР связывает «окно возможностей» по трансформации миропорядка, просчитывая партнерство с Россией. 13 сентября 2022 г. при встрече с российским дипломатом А. Денисовым дипломат из КНР Ян Цзечи выразил мнение, что: «Китайская сторона готова работать с российской стороной для постоянного осуществления стратегического сотрудничества на высоком уровне между двумя странами, защиты общих интересов и содействия развитию международного порядка в более справедливом и разумном направлении»¹⁴.

Но какие ценностные ориентиры восходящих великих держав могут стать их опорой в переустройстве мирового порядка? Для России важное значение сохраняет геокультурное явление «Русского мира», понятия наднациональности, надэтничности. Российское понимание справедливости исторически происходит от категории «правда», отсылающей к древнерусским смыслам истины, порядка, праведности, морального порядка. Фундаментальное значение для российской цивилизации имеет и роль государства. Эта политическая традиция своими корнями уходит в глубокое историческое прошлое. Не случайно, в настоящее время в России так актуализируется дискурс о феномене государства-цивилизации (этот термин также появился в таком документе стратегического характера как «Концепция внешней политики Российской Федерации» от 2023 г.) [20]. Помимо этого, в российском обществе актуализируется проблематика сохранения и возрождения духовно-нравственных традиций, исторической памяти.

Тогда как для политики современного Китая кроме коммунистической идеологии серьезную роль играют ценностные ориентиры хэ (гармония между людьми, согласие), тун янь (принцип преемственности в изменениях), чжунго мэн (китайской мечты сбалансированного развития), «пути гуманной власти». Китайские общины (хуацяо), проживающие в разных странах, фактически выступают аналогом российского феномена «Русского мира» [20].

На Западе также есть своя история попыток создания политических проектов справедливого мироустройства [14]. К ним специалисты относят «Трактат об устройении мира в мире христианском» чешского короля Иржи Подебрада, «Жалобу мира...» Эразма Роттердамского, «Всеобщую ассамблею» Э. Крюсе и т.п. К подобного рода проектам можно отнести и идею Лиги Наций. Президент США Дж. Байден 20 октября 2023 г. на предвыборном приеме в Белом доме сделал заявление: «...Я думаю, что у нас есть возможность сделать что-то, если мы достаточно смелы и уверены в себе, чтобы объединить мир так, как никогда раньше. Мы жили в послевоенный период в течение пятидесяти лет, и это работало ... хорошо, но это как бы выдохлось... Нужен новый мировой порядок в том смысле, подобный тому, который был мировым порядком... Назовите мне хоть один кризис, в который мы когда-либо попадали, и из которого мы не вышли сильнее в Америке...»¹⁵. В. Трапар, руководитель Центра евроатлантических исследований Института международной политики и экономики

¹² 习近平在华盛顿州当地政府和美国友好团体联合欢迎宴会上的演讲. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2015-09/23/c_1116656143.htm (дата обращения: 07.09.2023).

¹³ Си Цзиньпин предупредил о невыносимых последствиях конфликта США и Китая. URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/11/2023/65551e239a7947a771f73995> (дата обращения: 15.11.2023).

¹⁴ Xi, Putin Building 'More Just' World Order, Top China Envoy Says. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-09-13/xi-putin-building-more-just-world-order-top-china-envoy-says> (дата обращения: 01.11.2023).

¹⁵ Remarks by President Biden at a Campaign Reception. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/10/20/remarks-by-president-biden-at-a-campaign-reception-3/> (дата обращения: 01.11.2023).

Сербии объясняет такие намерения «обратной ловушкой Фукидида»¹⁶, когда Соединенные Штаты, как действующий гегемон, начинают прилагать силы, чтобы сдерживать Китай – своего непосредственного конкурента. И в этой попытке сохранить влияние на мировой порядок важное значение будут иметь ценностные ориентиры США, транслируемые через технологии.

Еще российский политолог А.С. Панарин в свое время обращал внимание, что либерализм играет свою легитимирующую роль в основном в атлантической части Запада (США), тогда как в других странах идейное воздействие осуществляется посредством элиты «западников» (Германия, Франция), пропагандистами «настоящего атлантизма» [15, с. 65-66]. Другими словами, согласно Панарину, Запад сам полностью не защищен от раскола, поэтому сейчас так актуализируется роль проектов, воспроизводящих общие ценности для западных стран. Возможно, США с целью удержания выгодного для себя миропорядка попробуют по-новому соотнести американские ценностные ориентиры с ценностями наиболее важных для себя союзников (Германия, Франция, Канада, Австралия, Великобритания и др.), выработав единую ценностную повестку в рамках общей политико-мировоззренческой модели Запада, формируемой и воспроизводимой «умными» алгоритмами цифровых корпораций.

Эффект палладиума появляется не на пустом месте. Он связан с механизмами воспроизводства доминирующих форм мировоззрения великой державы, а также поддерживается наиболее значимыми и влиятельными для страны идентичностями, на основе которых в ней выстроены взаимосвязи между обществом и государством. И большие перспективы для реализации эффекта палладиума открывают технологии ИИ.

Аксиомахия ИИ-держав?

Но корректно ли рассуждать о том, что к современным киберконфликтам, информационным войнам добавляется еще и аксиомахия – ценностная война? Будут ли новые киберконфликты сопровождаться ценностным противоборством? Способны ли малые, средние и великие державы повлиять на трансформацию мирового порядка таким образом? Но перед тем, как перейти к проблематике наложения аксиомахии на информационные войны, для начала рассмотрим субстантивную часть киберконфликтов.

Под современным *киберконфликтом* понимают политически мотивированное «использование вычислительных технологий в киберпространстве в злонамеренных и/или деструктивных целях, чтобы воздействовать, изменить или модифицировать дипломатические и военные взаимодействия между субъектами» [37]. Одни из первых, кто начал писать о потенциалах сетевой и кибернетической войны, были Дж. Аркилла и Д. Ронфельдт, аналитики из RAND Corporation. Они предположили, что в конфликте можно достигнуть доминирования посредством обращения в военной сфере к сетевым формам организации и передовым компьютерным технологиям [25]. Существование реальной опасности от кибервойны признают Р. Кларк и Р. Кнейк [29]. Г. Киссинджер, Э. Шмидт, Д. Хаттенлокер, сравнивая ядерное оружие с кибероружием, отмечают, что специфический характер последнего усложняет применение для его изучения имеющихся моделей и концепций: «...те самые свойства кибероружия, которые обеспечивают его эффективность, делают практически невозможным контроль над кибервооружениями. Когда участники переговоров по контролю над ядерным оружием раскрывали или описывали классы боеголовок, они не отрицали возможностей этого оружия. Переговорщикам по кибервооружениям предстоит столкнуться с интересным парадоксом – само обсуждение возможностей кибероружия может означать как его сокращение (если противник устранил уязвимости, против которых оно направлено), так и более широкое распространение (если противник скопирует его код или использует тот же принцип действия)» [10, с. 128-129]. Такие замечания свидетельствуют о серьезной неопределенности современной политической науки о киберконфликтах и кибероружии.

¹⁶ Противостояние Китая и США: "обратная ловушка Фукидида". URL: <https://www.interfax.ru/russia/905588> (дата обращения: 01.11.2023).

Э. Крейг и Б. Валериано в своем анализе возможностей современного политического реализма в условиях цифрового общества перечисляют ограничения моделей киберконфликтов [30]. Ученые эмпирически фиксируют незначительную угрозу и распространенность киберконфликтов между конкурирующими странами. Даже несмотря на то, что киберконфликты в современную эпоху сравнительно участились, это возрастание, по их оценке, можно объяснить шпионажем и операциями намного низкого уровня, а не разрушительным уровнем подлинной информационной войны. Государства не спешат перевести прецеденты киберспоров в сторону полномасштабных войн с физическими последствиями, предпочитая сдержанность, а не эскалацию. Тем самым спиральная модель политических реалистов, где каждое действие провоцирует зеркальное противодействие, не имеет в киберпространстве ярко выраженного характера, сам киберконфликт не подходит под параметры классической войны Клаузевица. Мало того, известные политологические представления о войне и силе не получается легко перенести в киберпространство, хотя Дж. Най и предложил категорию киберсилы (cyber power). Также критикуются и возможности кибернаступления (cyber offensive), что аргументируется сложностью, дороговизной и недостаточной эффективностью информационных атак для приближения стратегического разгрома противника. Модель же киберсдерживания (cyber deterrence) оспаривается из-за сложности определения киберпотенциалов государств, как правило, сохраняющих имеющиеся у них технологии кибероружия в строжайшем секрете.

Несмотря на подробно приводящиеся критические комментарии, Э. Крейг и Б. Валериано считают, что политический реализм и в самом деле хорошо подходит для анализа ключевых проблем, относящихся к кибербезопасности, позволяя получить полезные данные о некоторых особенностях международных отношений. Помимо этого, Крейг и Валериано признают, что анархия, описываемая политическими реалистами в качестве основного признака нынешней международной системы, хорошо подходит для анализа киберпространства. Международные институты, имеющие прямое отношение к цифровой сфере (например, Международный союз электросвязи), по сути, не способны урегулировать и разрешить имеющиеся киберконфликты [30]. Иными словами, в отличие от реализма, либеральный подход менее всего подходит для понимания закономерностей развития цифровой среды.

Если опереться на известную *формулу конфликтологии* «конфликт = конфликтная ситуация + инцидент», то критика завышенных рисков от киберконфликтов уже выглядит не такой однозначной и очевидной. И, если киберконфликтной ситуацией может считаться уже накопившиеся противоречия, связанные с деятельностью акторов в цифровых коммуникациях и создающие базис для противостояния оппонентов, то под киберинцидентом можно понимать происшествие в цифровой среде, приводящее к конфликту сторон. Такое происшествие возникает на основе некоего повода – события, служащего отправной точкой для киберконфликта. Например, примером киберинцидента может стать утечка информации, представляющей важность для безопасности государства, тогда как примером киберконфликтной ситуации может быть циркулирующие в цифровых коммуникациях слухи, фейки, реанимированные мифы, стереотипы. Признаком киберконфликтной ситуации служит «язык вражды», а также разного плана цифровая стигматизация в виде мемов и хештегов.

Продвинутые цифровые платформы, поддерживаемые великими державами и расцениваемые ими в качестве компонентов защиты собственного цифрового суверенитета и поддержания национальной безопасности на должном уровне, уже невозможно представить без технологий искусственного интеллекта. Логично предположить, что больше всего озабоченность по политическим вопросам искусственного интеллекта в ближайшее десятилетие будут проявлять именно великие державы – Россия, США и Китай, от развития экономик которых зависят сценарии эволюции эффекта ловушки Фукидида. И это уже фиксируется на нормативном уровне. Так, в России еще с 2019 г. был подписан президентом

указ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»¹⁷. Документ утвердил Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. В декабре 2022 г. Госдума приняла новый закон, регулирующий вопросы, относящиеся к развитию искусственного интеллекта, заключению соглашений о муниципально-частном и государственно-частном партнерстве¹⁸. В том же году Российская Федерация, согласно Индексу ИИ-2022 Стэнфордского университета, стала лидером по количеству нормативных актов в сфере искусственного интеллекта, уступив лишь США. С другой стороны, в России стала активно возрождаться тема защиты традиционных духовно-нравственных ценностей, возникли документы, где Россия определяется как государство-цивилизация¹⁹. В США в указе 2019 г. об искусственном интеллекте появилась отсылка о важности учета «американских ценностей»²⁰. В 2017 г. возник план развития искусственного интеллекта в Китае. План оговаривает важность социальной стабильности, установления социальной коммуникации, взаимного доверия, снижения рисков национальной безопасности²¹. Также в плане есть отсылка на «систему социального кредита», необходимой для установления «социальной целостности», учитывающей не только рейтинг и баллы, но и ценности семьи, социализма, а также традиционной китайской культуры²².

Одновременный рост интереса трех великих держав к двум темам – искусственному интеллекту и своим ценностям вполне укладывается в концептуальную схему эффекта палладиума. Конфликтная ситуация формируется и поддерживается в плоскости экономических, технологических и геополитических противоречий России, Китая с Соединенными Штатами. Некоторую роль в этом может сыграть разрушение режима Кимерики из-за противоречий между китайскими и американскими технологическими платформами [8]. Накопление инцидентов в будущем при условии перевеса страха угрозы над осторожностью и стремлением сохранить прежние отношения, обострении экономического соперничества может перевести киберконфликтную ситуацию на уровень принципиально нового вида конфликта – кибернетического. И, скорее, этот кибернетический конфликт с элементами ИИ-атак будет легитимироваться сохранением ценностей великих держав. О том, что системы ИИ уже стали трансляторами ценностей, свидетельствует ряд наблюдений и исследований [28; 38]. Достаточно вспомнить случаи «ценностного перепрограммирования» систем ИИ в США, Китае и России (Microsoft Tay, Xiao Bing, BabyQ, бот Макс). Глобальные технологические корпорации, кстати, также имеют заинтересованность в трансформации миропорядка под свои цели и задачи, следовательно, гипотетически они также могут спровоцировать кибервойны между великими державами или другими странами.

¹⁷ Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 No 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения: 07.09.2023).

¹⁸ Госдума приняла закон о развитии искусственного интеллекта с помощью ГЧП. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16648967> (дата обращения: 07.09.2023).

¹⁹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 07.09.2023); Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. №229. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 09.11.2023).

²⁰ Accelerating America's Leadership in Artificial Intelligence. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/articles/accelerating-americas-leadership-in-artificial-intelligence/> (дата обращения: 07.09.2023).

²¹ 国务院关于印发 新一代人工智能发展规划的通知国发〔2017〕35号. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2017-07/20/content_5211996.htm (дата обращения: 09.07.2023).

²² 国务院关于印发社会信用体系建设 规划纲要 2014—2020年) 的通知. URL: https://www.gov.cn/zhengce/content/2014-06/27/content_8913.htm (дата обращения: 09.07.2023).

Г. Киссинджер, Э. Шмидт, Д. Хаттенлокер в своей книге как раз выделяют так называемые *ИИ-державы*, обладающие ИИ-оружием – видами кибероружия на основе технологий искусственного интеллекта. К ИИ-держavam авторы причисляют США, Китай и Россию [10, с. 147-148]. Исследователи приводят несколько отличительных особенностей ИИ-оружия, о нераспространении которого, по их мнению, должны будут между собой договориться члены «группы ИИ-держав»: а) высокая скорость кибератак, осложняющая быстрое и адекватное реагирование со стороны человека; б) неточная интерпретация типов ИИ-атак, а также ответных им мер, сложность определения соразмерных шагов; в) автоматическое принятие решений ИИ-системами, способное оказать серьезное давление на человека; г) непрозрачность и невидимость ИИ-атак, размывающих границу между неоправданной агрессией и допустимым упреждением [10, с. 151-152]. И здесь не принципиально, что будет лежать в основе киберинцидентов. Но удержат ли государства монополию в разработке, применении ИИ-оружия и использовании его для аксиомахии, ценностного противоборства? Или с развитием цифровой сферы появляется новый претендент на политическую субъектность?

И. Бреммер, профессор глобальных исследований Нью-Йоркского университета, в статье «The Next Global Superpower Isn't Who You Think» в журнале «Foreign Policy» от 2023 г. предложил свою модель *технополярного порядка* [27], развил свои предыдущие мысли. По его предположению, наступила эпоха отдельных «пересекающихся порядков», поэтому многополярного порядка в смысле активной роли неких сверхдержав быть не может. Рост влияния России и Китая на геополитической арене ставит американских союзников в еще большую зависимость от Соединенных Штатов. Важнейшим фактором геополитических процессов отныне становятся крупные технологические корпорации, также являющиеся разработчиками технологий искусственного интеллекта. На основании этого предположения Бреммер выдвигает три сценария развития миропорядка: а) раскол мира на два полюса во главе с Китаем и США, сотрудничающих со своими техногигантами (подобное предположение высказал в статье о двойной ловушке Фукидида Д.В. Ефременко); б) техногиганты, придерживаясь направления глобального роста, станут конкурировать за геополитическое доминирование с государствами; в) сила традиционных государств настолько ослабнет, что появится новый технополярный порядок с доминированием технологических корпораций.

Используя терминологию французского политического философа Л. Альтюссера, можно уточнить, что политические заказчики, разработчики, инфраструктура, технологии, алгоритмы ИИ становятся новым идеологическим аппаратом в современных информационных войнах и ценностных войнах (аксиомахиях), угрожающих ценностному суверенитету и цифровому суверенитету держав. В наступившую эпоху искусственного интеллекта уже вполне можно говорить о новом уровне этого феномена – *интеллектуальных идеологических аппаратах*. Возможности нейросетей, развивающихся по модели ChatGPT и других интеллектуальных ботов, могут позволить генерировать персонализированный контент, направленный на нужную целевую аудиторию стран-«мишеней» или даже на отдельных людей-«целей», важных для задач заказчика информационных операций. Проблема заключается в том, что отличить созданный нейронной сетью ценностно ориентированный контент от контента, который создан человеком, становится все сложнее и сложнее. Гипотетически для каждого человека можно создать собственную информационную капсулу, включающую интерпретации, смыслы, готовые картины мира с заранее заложенным политическим интересантом ценностным содержанием. Боты, функционирующие на основе искусственного интеллекта, могут выполнять поставленные перед ними политико-пропагандистские задачи, формировать псевдодискуссии, псевдоповестки, на самом деле не имеющие никакого отношения к подлинной политической реальности.

Вопрос состоит только в том, кто будет владеть этим интеллектуальным идеологическим аппаратом – государство, иностранное государство, радикальная группировка сетевого формата или технологическая корпорация, вступающая в партнерские отношения с другими странами или преследующая свои цели? Кто будет продвигать ценностные ориентиры

повседневного образа жизни по всему миру – великие державы или техногиганты? Для того, чтобы осознать прошедшую эволюцию от традиционных идеологических аппаратов до интеллектуальных идеологических аппаратов и понять роль и сценарии подключения ИИ-держав к аксиоматике, важно привести важнейшие тезисы теории идеологии Л. Альтюссера.

Альтюссер создал теорию идеологии, в которой разграничивал репрессивные и идеологические аппараты государства, в прошлом веке. Свою теорию политический философ предложил в эссе «Идеология и идеологические государственные аппараты» (1970 г.). В этой теоретической схеме Альтюссер исходил из двух тезисов: (1) идеология означает воображаемые отношения индивидуумов с реальными условиями их существования, (2) идеология имеет материальное существование [24].

Первый тезис означает, что идеология не предлагает систему реальных отношений, а конструирует воображаемое отношение индивидуумов к данным реальным отношениям, среде, где они живут (в этой связи можно вспомнить известную теорему У. Томаса: «Если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям», что особенно актуально в условиях современной цифровой среды и виртуализации политики).

Второй тезис подразумевает, что любой субъект, усвоивший некие идеи, должен использовать эти идеи в собственной материальной практической деятельности, действовать исходя из данных идей, закреплять их. Такая практическая деятельность подчинена ритуалам материалистического существования идеологического аппарата (от мессы в церкви и занятия в школе до митинга партии). В современной цифровой среде у людей подобная практическая деятельность непосредственно связана с новыми – *цифровыми ритуалами* – лайками, селфи, сторис, дизлайками, live-трансляциями, цифровыми статусами, тегам, комментариями, репостами и т.п. Последствия таких цифровых ритуалов – цифровые следы пользователей – уже анализируют системы искусственного интеллекта. И здесь модель Альтюссера хорошо работает. Идеи, по его мнению, являются материальными поступками человека, регулируемые материальными ритуалами материального идеологического аппарата. В своем анализе идеологии Альтюссер учитывал психоаналитические наработки З. Фрейда и Ж. Лакана, рассматривая ее как симптом, как нуждающееся в дешифровке проявление бессознательного.

Альтюссер подчеркивает, что цель любой идеологии – «конституировать», трансформировать определенных индивидуумов в субъектов. Поэтому наблюдения Альтюссера важны и для исследования механизмов политической коммуникации. Процесс трансформации индивидуума в субъекта философ называл интерпелляцией, «обращением» (l'interpellation). Он писал, что идеология обращается к конкретному субъекту, поэтому существуют ритуалы идеологического «узнавания» и «неузнавания» в повседневной практике. При этом любая идеологическая структура имеет принцип зеркального удвоения. В современных сообществах сетевых коммуникаций, где также уже есть интеллектуальные боты, не просто генерируется ценностно заряженный контент, но и имеются ценностные коды такого контента в виде хештегов, эмодзи, мемов, позволяющие отличить собеседника по принципу К. Шмидта «свой – чужой». В грядущих аксиоматиках – ценностных войнах – данными ценностными кодами могут пользоваться интеллектуальные боты для манипулирования повесткой дня и массовым сознанием. В связи с этим примечательно, что российские политологи актуализируют не только вопрос цифрового суверенитета, но и проблематику *ценностного суверенитета*: «Фактически речь идет не просто об информационной безопасности, или информационном суверенитете России, а о «ценностном суверенитете» страны, об устойчивости российского общества по отношению к внешней ценностной экспансии и внешнему деструктивному информационно-психологическому воздействию... Потому перед отечественными политологами стоит задача деконструкции и декомпозиции идеологических концептов и, что еще более значимо, – предложение нового логоса и нового этоса, предполагающих бережное отношение к традиционным духовно-нравственным ценностям» [18].

Развивая идеи К. Маркса, в работе «Идеология и идеологические государственные аппараты» Альтюссер отмечал, что именно в формах идеологического подчинения обеспечивается воспроизводство квалифицированной рабочей силы [24]. Государственные, церковные учреждения, школа, армия, а также иные аппараты обучают «навыкам», которые обеспечивают не только подчинение господствующей идеологии, но и позволяют овладеть практикой такого подчинения. Сейчас к таким аппаратам добавились медиакорпорации и цифровые техногиганты. Кроме инфраструктуры (экономическая база, средства производства, производственные отношения) существует суперструктура (надстройка), разделяющаяся на юридически-политический (право и государство) и идеологический уровни. К последней французский философ относит политические, нравственные, религиозные, юридические и другие идеологии. С целью более глубокого анализа Л. Альтюссер вводит «коэффициент воздействия» одной структуры на другую (например, суперструктуры на инфраструктуру и наоборот). В качестве современного варианта суперструктуры можно назвать цифровые платформы, создаваемые технологическими корпорациями. Посредством таких цифровых платформ (от социальных сетей и видеохостингов до порталов и веб-приложений на смартфонах) граждане осуществляют социальную, политическую коммуникацию, финансовые транзакции.

Цифровые платформы могут предоставлять функционал для развития индустрии развлечений, политической коммуникации, концепции «умного города», цифровой демократии, онлайн-делиберативных практик, фандрайзинга. С другой стороны, цифровые платформы могут использоваться для мониторинга перемещения транспорта, граждан, выявления деятельности экстремистских групп. Государство также заинтересовано создавать такие платформы в виде государственных цифровых экосистем, обращаясь для этих целей к цифровым корпорациям. Накопление персональных данных, цифровых следов, оставляемых пользователями, а также необходимость их обработки для выявления моделей и составления прогнозов потребительского, социального и политического поведения, безусловно, способствует внедрению в такие технологические суперструктуры интеллектуальных агентов.

Разграничивая репрессивные и идеологические аппараты государства, Л. Альтюссер отмечал множественность и незаметность последних. Идеологическим аппаратам государства не нужно, в отличие от репрессивных, обращаться к насилию, они применяют идеологию; в этом скрывается фундаментальное различие двух видов аппаратов. Если репрессивный государственный аппарат унифицирован и относится к общественной сфере, то большая часть идеологических аппаратов государства могут относиться к частной сфере (семья, партии, церкви, культурные организации, искусство, спорт, телевидение, радио, пресса, профсоюзы, некоторые школы и т.п.) [24]. Сейчас эту роль активно перехватывают крупные технологические корпорации, создающие целые экосистемы из цифровых платформ для отдельных государств.

По мнению Альтюссера, данные идеологические аппараты находятся под влиянием господствующего класса, который не может длительно удерживать государственную власть без определенной идеологии. Идеологические аппараты государства в отличие от репрессивных относительно автономны и являются ареной противоречий. Поэтому идеологические аппараты государства могут быть не только целью, но и местом яростной классовой борьбы. Если единство репрессивных аппаратов обеспечивается их централизованностью, то единство идеологических аппаратов, их «гармония» с репрессивными аппаратами достигается общей идеологией господствующего класса. Используя теоретическую схему Альтюссера, можно предположить следующий сценарий: крупные технологические корпорации, создающие для государства экосистему цифровых платформ, получают серьезные рычаги влияния на формирование ценностных ориентиров и мировоззрения у населения целой страны. Здесь то и возникают серьезные соблазны у верхушки технологической корпорации извлечь больше преимуществ из сложившегося положения. Иными словами, в процессе борьбы за интеллектуальный идеологический аппарат не исключены противоречия между корпоративной и политической элитой. Поэтому ИИ-

держава не сможет сопротивляться ценностной интервенции, если не решит эту проблему и, скорее, проиграет аксиомахию с другой ИИ-державой. Решив же эту проблему, ИИ-держава сможет выстроить свою систему «интеллектуального наступления» и «интеллектуальной обороны» в формате эффекта палладиума.

Великие державы имеют больше ресурсов и возможностей для создания и распространения своих цифровых стандартов, не только обеспечивающих им стратегическое преимущество для развития собственной внутренней цифровой государственной экосистемы, укрепления ценностного суверенитета и цифрового суверенитета (что, безусловно, важно для сохранения межкультурных коммуникаций, традиционных духовно-нравственных ценностей, идентичности населяющих страну народов, финансовых транзакций, функционирования базовых и перспективных, инновационных отраслей экономики, политико-избирательной системы), но и создающих условия для развертывания их цифровых ойкумен в средних и малых державах, проводниками которых, в основном, станут цифровые корпорации, – налоговые резиденты великих держав. Но важно понимать, что вслед за экспансией цифровых стандартов корпораций великих держав в других странах, которые не могут себе позволить создать собственные цифровые стандарты, возможно распространение ценностных ориентиров крупнейших геополитических игроков.

Российский политолог М.А. Сучков связывает процессы геополитической конкуренции держав с последствиями Четвертой промышленной революции (развивающейся по экспоненте, а не линейно), новый технологический уклад которой приводит к очередному обострению ценности справедливости (понимание которой, безусловно, имеет серьезную специфику в России, США, Китае, средних и малых державах). Сучков предполагает, что справедливость наряду с силой и свободой тесно связана с вопросами локализации больших данных, запросом на обновленный «общественный договор» между государством и гражданами, а также запросом на государственный технологический суверенитет, разработками в области искусственного интеллекта [17]. Цивилизационные, ценностные особенности китайской и американской великих держав уже накладывают отпечаток на развитие их национальных экономик и моделей взаимодействия с цифровыми корпоративными гигантами [35].

Ловушка Фукидида проявляется в возрастании роли «капитализма государственной платформы» (state platform capitalism – SPC), развертывающегося в логике противостояния Китая и США, а также их корпораций – налоговых резидентов. С. Рольф и С. Шиндлер из Цифрового центра Университета Сассекса фиксируют появление *двух разных стеков* (stacks) – политик информационной безопасности США и КНР, подразумевающих разные модели взаимоотношения государства и цифровых корпоративных игроков. Китайский «красный стек» (Red stack) включает вариант более жесткого внутреннего регулирования цифровых корпораций; национальную платформенную экономику КНР, учитывающую принципы государственно-частного партнерства; финансирование цифровых проектов, инвестиции высоких технологий и развитие венчурного капитала под руководством государства. Американский стек (US stack) отличается синтезом мягкого регулирования внутренней экономики; стимуляцией сотрудничества с финансовым и венчурным капиталом в условиях государственной платформы; более решительным внешнеполитическим давлением для поддержания собственных корпораций в других странах [35]. Тем не менее, для обоих стеков характерен набор схожих признаков, предполагающих активное взаимодействие государственных институтов и платформенных корпораций (ориентированных как на внутренний, так и на внешний рынок), а также наличие отношений с глобальным и внутренним финансовым капиталом. Геополитическое соперничество двух великих держав подогревается их противостоянием в сфере цифровых валют, кибербезопасности и цифровых стандартов.

Необходимо подчеркнуть, что активное ценностное противостояние между представителями группы ИИ-держав может перейти на новый уровень только после создания самодостаточных *ИИ-пространств*, базирующихся на цифровых стандартах американских,

китайских или российских корпораций. Отечественные исследователи уже фиксируют в контексте тенденции декаплинга экономик США и КНР постепенное развертывание двух наиболее активных ИИ-пространств – американского и китайского [6]. Американское ИИ-пространство, где господствует стек США, видно на примере деятельности Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в сфере генерации и внедрения международных стандартов. К примеру, в 2019 г. членами этой международной организации были приняты Принципы в отношении ИИ, закрепляющие стандарты в сегменте управления рисками цифровой безопасности, конфиденциальности, ведения бизнеса. Также в рамках G7 было создано Глобальное партнерство по искусственному интеллекту, куда кроме США, ЕС вошли Великобритания, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Испания, Швеция, Индия, Германия, Ирландия, Франция, Япония, Италия, Бразилия, Дания, Чехия, Польша, Бельгия, Сингапур, Республика Корея и Словения. Китайское ИИ-пространство связано с инициативой Цифрового шелкового пути, берущего в расчет *рынки следующего поколения*, а не только технологии нового поколения. Например, китайская корпорация Huawei уже создала порядка 70% сетей типа 4G в Африке, где прогнозируется серьезный рост населения к 2050 г. Стратегическое значение приобретают и китайские подводные кабели для Интернет-коммуникаций (например, между африканским Джибути (китайская база) и азиатским Пакистаном). КНР даже начинает модерировать взаимоотношения в сфере копирования информации друг друга между разными государствами (примером является контракт Беларуси и Нигерии) [6]. Таким образом, мы становимся свидетелями возрастания геополитической значимости Red stack китайского ИИ-пространства.

Россия сможет сохранить свой цифровой, а значит, и ценностный суверенитет, если начнет создавать благоприятные условия для государственно-частного партнерства, финансирования, привлечения венчурного капитала в сфере развития технологий искусственного интеллекта. Это важно не только по причине конфликта с западными странами. Российской Федерации стратегически необходимо не попасть в тотальную зависимость от китайского ИИ-пространства и Red stack, как в свое время от US stack. Речь даже не в рисках охлаждения российско-китайских отношений. Западные страны могут оказывать давление и на китайские корпорации, заставляя их соблюдать антироссийские санкции. Конечно, российские власти проявляют серьезную заинтересованность в развитии технологий ИИ и одновременной защите традиционных духовно-нравственных ценностей. В формате такой двухслойной политики появляются соответствующие законы, нормативно-правовые акты и программы [1] (например, «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»), однако в современных условиях острой геополитической и геоэкономической конкуренции этого уже недостаточно. По этой причине для России жизненно важным вектором внешней политики становится развертывание масштабной *цифровой ойкумены*, как минимум, включающей территорию постсоветских стран. Такое развертывание не предполагает некое навязывание внешнеполитической воли России суверенным государствам, а означает мощную протекционистскую политику российского правительства (от финансового, налогового до медийного сопровождения) в отношении российских цифровых корпораций.

Показателями деятельности данных корпоративных гигантов должны быть: формирование взаимовыгодных производственных цепочек; развитие местных постсоветских экономик и привлечение в них российского капитала; повышение уровня жизни российских граждан, соотечественников и жителей постсоветских стран; создание благоприятного, добрососедского образа России как защитницы культур, традиций, гаранта ценностного суверенитета и государственного суверенитета постсоветских стран и государств других регионов мира; внедрение совместных цифровых стандартов. Европейские ученые, кстати, приводят прецеденты появления такого межправительственного сотрудничества на примере механизмов «распределенной легитимности», экспериментов «двухурневой модели суверенитета» в ЕС, предполагающих сохранение государственного суверенитета независимых стран в сочетании с наднациональным форматом решения общих вопросов

торговли, валюты и обороны [31]. Но для такого политического шага российской власти придется: провести качественную работу в области консолидации мировоззрения политической элиты, его соотношения с мировоззрением и интересами россиян; серьезно пересмотреть модель государственно-частного партнерства, изучив опыт поддержки Китаем и США цифровых корпораций за рубежом и отбросив неподходящие для России практики.

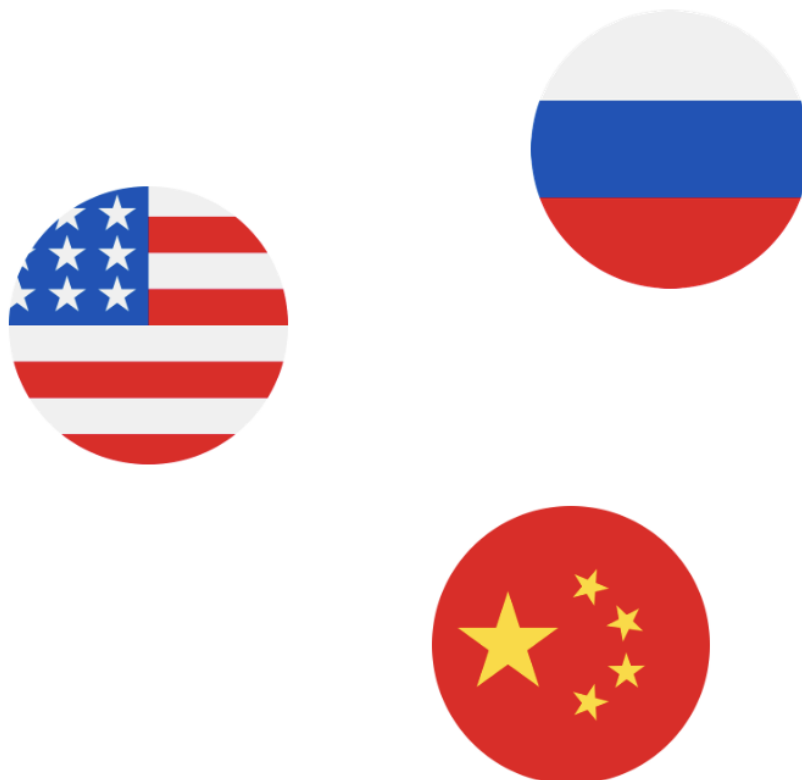

Рис. 1. Сценарий Triplex Mundi

Рис. 2. Сценарий Duplex Mundi

Рис. 3. Сценарий Multiplex Mundi

Представляется важным уделить некоторое внимание гипотетическим сценариям, относящимся к использованию технологий ИИ великими державами для защиты своих ценностных ориентиров (рис. 1-3).

1. Сценарий *Триплекс Мунди* (лат. Triplex Mundi – «тройной мир») предполагает, что свои экосистемы технологических цифровых платформ будут, в основном, создавать три действующие великие державы – Россия, США и Китай. Такой сценарий отталкивается от современных конфликтных линий напряжения «США – Россия» и «США – Китай», учитывает модель наступательного реализма в трактовке Дж. Миршаймера и предположение о возможности «двойной ловушки Фукидида» Д.В. Ефременко. Данный вариант технологического, экономического и ценностного разделения мира не обязательно должен долго существовать, так как полностью не исключает ситуативное сотрудничество двух великих держав для ослабления третьей и создания нового миропорядка, более справедливого в их понимании. Соответственно, великими державами формируются и расширяются три планетарные цифровые ойкумены из стран, связанных с ними в технологическом и экономическом отношении. Установление такой связи предполагает и формирование непротиворечивой системы ценностных ориентиров. Наибольшие преимущества в дизайне нового миропорядка будут у той державы, у которой активней всего начнут развиваться

исследования в сфере искусственного и интеллекта, позволяющие следить за трансформацией своих ценностных основ на ключевых технологических платформах. У нее и будет больше всего выражен эффект палладиума.

Три державы не просто будут играть первую скрипку в формировании и функционировании международных институтов. Они станут продвигать свои технологические платформы в разных регионах мира, стараясь внедрить выгодные себе цифровые стандарты, программное обеспечение, проекты цифровизации государственного сектора, оптоволоконные коммуникации, квантовые технологии, технологии Big Data, мобильных платежей, электронной коммерции, «умных городов», метавселенных, системы наблюдения, безопасности, компьютерного зрения, Интернета вещей, навигационные системы, наземные спутниковые станции, дата-центры собственных корпораций. Однако, сценарий Триплекс Мунди означает, что все три великие державы для достижения баланса в области интеллектуальных вооружений и обретения геополитического равновесия будут предпринимать шаги по инвестированию государственных программ устойчивого развития цифровых отраслей своих экономик. В результате крупные цифровые корпорации, как налоговые резиденты великих держав, станут в основном проводниками их ценностей, а также элементом защиты их экономических и политических интересов среди других стран. Параллельная цифровая активность трех великих держав, возможно, будет несколько уравновешивать их амбиции, снижать степень аксиомахии, взаимной ценностной интервенции. Существование трех глобальных технологических платформ может снизить ускоренные темпы их трансформации в чрезвычайно мощные интеллектуальные идеологические аппараты, в отличие от сценария Дуплекс Мунди.

Четвертая промышленная революция способствует исчезновению границ между виртуальным и традиционным пространствами, актуализирует аспекты рискованного для традиционных государств процесса географической «балканизации» управления данными [17]. В качестве ответа на вызов цифровой балканизации существует подход, отдающий приоритет контролю гражданам, их цифровых следов для защиты их безопасности и жизни от внешних акторов. Такой подход разделяют Россия, КНР, Индия, Индонезия и Турция. Сценарий Триплекс Мунди возможен только при условии, что Россия, как великая держава, пройдет мировоззренческую консолидацию политической элиты (связав эту мировоззренческую консолидацию с ценностными ориентирами и интересами россиян), будет поддерживать свой геополитический вес активным стимулированием инновационных отраслей собственной экономики, планомерно закладывая такие элементы ее цифровой ойкумены как цифровые стандарты, которые могли бы проникнуть на рынки постсоветских, африканских, латиноамериканских, азиатских и других стран. Естественным приоритетом развертывания цифровых стандартов российской цифровой ойкумены является постсоветское пространство. В этом случае Россия смогла бы стать гарантом сохранения суверенитета и обеспечения национальной безопасности государств постсоветской группы, обезопасив их от экономического и геополитического давления со стороны других держав и технологического шантажа их цифровых корпораций.

Просто копируя траектории развития иных великих держав и технологически развитых стран, достичь этого не получится. Как полагают некоторые исследователи, это опасный путь [9]. России важно выработать собственный курс поэтапного развертывания национальной техноэкономической платформы, третьего ИИ-пространства (наряду с ИИ-пространствами Китая и США), поддержки своих корпоративных игроков в рамках формирования цифровой ойкумены, способной сохранить российские ценности и ценности группы постсоветских государств (а также ценности и суверенитет стран других регионов мира). Как отмечает член-корреспондент РАН В.Е. Дементьев, пока российские расходы в области ИИ намного уступают подобным затратам в США и Китае, а дорожная карта «Искусственный интеллект и нейротехнологии» изначально делала упор на привлечение внебюджетных средств, что чем-то походило на американскую модель развития технологий искусственного интеллекта. Хотя

эксперты Всемирного банка в свое время признавали, что Россия способна претендовать на роль одного из глобальных цифровых акторов [7].

2. Сценарий *Дуплекс Мунди*, биполярный мир 2.0 (лат. Duplex Mundi – «двойной мир») означает усиление линии напряжения «США – Китай». Россия в этом варианте либо примыкает к одной стороне, что очень рискованно для ее суверенитета, либо занимает нейтральную, выжидательную позицию. Мир буквально делится на две цифровые ойкумены из технологических платформ, ИИ-пространств, втягивающих другие страны в свою орбиту экономически, ценностно и геополитически. Две глобальные технологические платформы обретают более ярко выраженные черты интеллектуальных идеологических аппаратов. В любом случае, для России данный вариант выглядит не очень благоприятным. И смогут ли установить две великие державы ценностный и технологический паритет – большой вопрос. Если брать аналогию с «холодной войной» между СССР и США, то актуальными вопросами становятся гонка интеллектуальных вооружений, установление баланса сил в ИИ-вооружениях, достижение паритета глобальных технологических платформ, а также соперничество великих держав за цифровое, а, значит, ценностное влияние на регионы мира – средние и малые державы, сопровождаемое борьбой Red stack и US stack за расширение своих ИИ-пространств. Это соперничество коснется и генерирования «образа будущего».

Не исключено, что при дальнейшем кризисе режима Кимерики, КНР захочет создать свой вариант американской доктрины Монро, препятствуя проникновению технологических платформ США, их союзников, а также других держав в свою сферу интересов – Юго-Восточную Азию. Конкуренция двух планетарных технологических платформ станет создавать не только новые линии напряжения в конфликте ценностей, идеологии, экономики и политики, но и задавать ускоренный темп развития исследований нового типа – от квантовых разработок до космической экспансии. Китай, к примеру, уже практикует модель связанных кредитов, предоставляя кредиты развивающимся странам и одновременно настаивая на использовании собственной цифровой инфраструктуры [13]. Уровень анархичности системы международных отношений при сценарии развертывания двух планетарных ИИ-пространств Дуплекса Мунди, скорее, будет ниже, чем при сценарии Триплекса и, тем более, при сценарии Мультиплекса.

Помимо этого, есть другой подход к ответу на вызов географической «балканизации» управления данными [17]. Соединенные Штаты и их союзники не могут вернуть эпоху однополярного порядка, но по-прежнему выступают за либеральный подход, отвергающий принципы государственного управления большими данными. В условиях невозможности возрождения однополярного порядка американская великая держава продолжает продвигать повестку либеральных ценностей индивидуализма на социальном уровне и децентрализации на уровне государственного управления. Формат пропагандируемой либерализации не исключает деградации и исчезновения собственных цифровых стандартов у средних и малых держав, входящих в орбиту влияния Запада, с одной стороны, и навязывания им цифровых стандартов американских корпораций, с другой стороны. Такая медийно сопровождаемая либеральная повестка отвечает в основном американским геоэкономическим и геополитическим интересам, которая может быть подчинена задачам конструирования цифровой ойкумены Запада с гегемоном из США, противостоящей иной цифровой ойкумене со своим гегемоном, к примеру, китайским. Безальтернативное доминирование американских и китайских корпораций несет определенные риски для формирования российского стека как технологического полюса цифровой ойкумены и третьего ИИ-пространства. По количеству патентов в сегменте ИИ за 2018 г. лидируют США (69,2%), на КНР и Соединенные Штаты приходится порядка 94% финансирования стартапов в сфере ИИ-разработок с 2016 по 2020 гг., китайская публикационная активность по проблемам ИИ уступает американской, но сопоставима с активностью такого рода в ЕС [7]. Остроты добавляет тот факт, что ИИ-технологии, как правило, имеют двойное назначение – гражданское и военное.

В сценарии Дуплекс Мунди великие державы также станут переходить на уровень *технологического размежевания*. Жесткий вариант размежевания в цифровых стандартах, с

одной стороны, может снизить степень прямой аксиомахии между двумя гегемонами, переведя ее на локальный уровень колеблющихся, неопределившихся средних и малых держав, из-за которых будет эпизодически продолжаться соперничество и срабатывать эффект палладиума. С другой стороны, при таком сценарии технологической замкнутости на две цифровые ойкумены великие державы оказать прямое сильное ценностное влияние друг на друга уже не смогут. Накопление же экономических, политических, технологических, ценностных противоречий при отсутствии авторитетных международных институтов медиации гипотетически может привести к прямому военному столкновению «двух человечеств» в рамках модели ловушки Фукидида. Если не брать территории соперничества из неопределившихся стран (в плане модели лимитрофных государств В.Л. Цымбурского), то две планетарные технологические платформы станут воспроизводить ценностные ориентиры, не противоречащие интересам и ценностям великих держав, по принципу каскадно интегрированных в общую цифровую капсулу национальных цифровых капсул де-юре суверенных стран. Подобные тенденции также фиксируются учеными на примере политики Комитета Совета Европы по искусственному интеллекту, соотносящего данную сферу с европейскими ценностями, в том числе и с принципами гендерной политики [12]. Скорее всего, великими державами при развертывании своих глобальных технологических платформ будет учитываться и пример деградации ценностных основ Советского Союза.

3. Сценарий *Мультиплекс Мунди* (лат. Multiplex Mundi – «множественный мир») может подразумевать более сложную структуру в виде «матрешки» и сохранять в своем ядре Триплекс Мунди, но при этом три великие державы будут иметь более активные двухсторонние взаимоотношения со средними державами (Бразилией, Индией, Ираном, Саудовской Аравией, ЮАР, Японией, Австралией, Индонезией, Канадой и др., конгломератом стран в виде ЕС) и относительно независимыми на первоначальном этапе цифровыми корпорациями. В определенном смысле такой сценарий будет соответствовать современной политологической модели наступательного реализма (Дж. Миршаймер) об анархическом состоянии международных отношений. Модель Мультиплекс Мунди вполне сочетается с эффектом «обратной ловушки Фукидида» В. Трапара, при котором действующие гегемоны прилагают усилия для ослабления собственных конкурентов. Иными словами, группа великих держав обращается к средним, малым державам и относительно политически автономным цифровым корпорациям, чтобы не допустить ослабления своих экономических и геополитических позиций в регионах, являющихся для них зонами стратегических интересов.

Средние державы, по своей сути, укрепятся в региональном лидерстве и станут регулировать взаимоотношения местных групп малых держав, оставляя за тремя великими державами проблемы баланса сил, баланса вооружений, технологий и ценностей. Кроме того, средние и малые державы будут стараться извлечь выгоду из такого международного порядка, фактически используя три великие державы (и другие влиятельные страны) в своих целях и играя на их противоречиях. Однако средние державы станут стремиться создать собственные технологические платформы, чтобы не попасть в полную зависимость от цифровых стандартов корпораций великих держав и ценностных ориентиров последних, желая укрепить свое же региональное лидерство. По этой причине может возникнуть группа политически активных, относительно автономных от великих держав и любых других государств технологических корпораций.

Мультиплексу может способствовать и усиление «эффекта Галапагосских островов» (Galapagos effect) [35], из-за которого активизируют деятельность технологические корпорации, независимые от стека американской великой державы. Мало того, фактор активности корпоративных игроков и средних держав несколько ослабит развертывание ИИ-пространств, концентрирующихся вокруг стеков (stacks) трех великих держав. Сценарий Мультиплекса может предполагать не просто высокую степень анархичности международной системы. Корпоративные игроки, а также средние державы смогут активней подключиться к финансированию проектов сетевых актантов [3] – систем, специализированных на приемах ценностно-ориентированной, идеологизированной автоматизированной пропаганды и

распространяющих меседжи в цифровых ойкуменах своих конкурентов, регулярно проверяя их цифровой суверенитет и ценностный суверенитет «на прочность». К чему приведет такая эпизодическая аксиомахия посредством информационных противоборств между ИИ-системами, время покажет.

В сценарии Мультиплекс Мунди государственные программы стимулирования цифровых сфер трех великих держав не смогут обрести полного доминирования над соответствующими программами крупных цифровых корпораций, которые станут обретать автономию, а потом, возможно, независимую от великих держав политическую субъектность. Приобретение крупными корпорациями признаков политической субъектности (влияние на массовое сознание граждан в суверенных государствах, поддержка цифровых партий, реальных и виртуальных политиков, создание интеллектуальных платформ и систем, поддерживающих избирательные процессы в разных странах) может запустить процессы десуверенизации у некоторых средних и малых держав. Л. Флориди из Оксфордского университета прямо пишет по этому поводу: «Корпоративный цифровой суверенитет – это не просто философская идея, а политическая реальность... Борьба за цифровой суверенитет может напоминать спор об инвестициях, средневековый конфликт между Церковью/Папой и государством/Императором в Европе по поводу возможности выбирать и назначать епископов и, в более общем плане, по поводу светской и духовной власти... Сегодня борьба ведется не за светскую и духовную власть, а за корпоративную и политическую власть над цифровыми технологиями, однако корни этого столкновения очень древние» [31].

Между тем, и с ценностным диапазоном политической власти не так все однозначно. Конечно, до построения «ценностного поезда», великая держава станет стремиться «провести» в важных для себя регионах мира «цифровые рельсы», без которых удержать свое геэкономическое и геополитическое доминирование будет проблематично. И все же считать «цифровое» приоритетным относительно «ценностного» – не совсем корректно. Экспертные опросы, исследования подтверждают, что алгоритмы, аффордансы, цифровые коммуникационные технологии, сама сложившаяся информационно-коммуникационная среда обладает высоким уровнем ценностной окрашенности [5; 28; 38]. Глобальные цифровые корпоративные игроки, развиваясь в условиях процесса государственно-корпоративной гибридации политических режимов, также могут включиться в будущем в более интенсивную борьбу за политическую власть в суверенных странах, пользуясь своим алгоритмическим инструментарием воздействия на массовое сознание. Крупные технологические корпорации также, как средние и малые державы, получают возможность играть на противоречиях в группе великих держав и попытаются создать собственные интеллектуальные идеологические аппараты, претендуя на генерацию эффекта палладиума. При таком развитии глобального политического процесса суверенность и политическую субъектность в полной мере смогут только сохранить представители группы из трех великих держав. Рост геополитической мощи цифровых техногигантов может проявляться в формировании экспериментальных политических полигонов применения их нового «модульного» суверенитета (modular sovereignty) на территории де-юре независимых стран. Некоторые исследования о формировании такой корпоративной власти [26] уже появились на примере анализа «модульного» вмешательства международных и частных акторов в Сомали (экспериментальной площадкой для апробации такой власти стал международный аэропорт в Могадишо).

Конечно, три сценария не являются исчерпывающими. Возможны и другие гипотетические портреты будущего, а также их сочетания, варианты.

Заключительные мысли

В настоящей работе была предпринята попытка дать понимание эффекту палладиума, в ходе которого великая держава, получая возможность изменить мировой порядок исходя из своих интересов, будет к этому стремиться, используя современные технологии, апеллируя к справедливости и учитывая собственные ценностные ориентиры. Однако, важно подчеркнуть,

что эффект палладиума требует более строгой эмпирической верификации. Тем более что остаются некоторые дискуссионные вопросы, которые разрешить в рамках одной статьи не представляется возможным. Например, следует более подробно раскрыть те условия, закономерности, легитимирующие особую роль великих держав, как неких арбитров, гарантов справедливого миропорядка. Требуется более глубокий сравнительный анализ ценностных ориентиров великих держав, лежащих в их понимании справедливости как таковой. Необходимо более масштабное изучение накопившихся фактов обострения конкуренции великих держав на примере их цифрового и ценностного противоборства в информационных, политических и экономических сферах средних и малых держав. Более скрупулезный политологический анализ фактов ценностной предвзятости ИИ-систем, используемых цифровыми корпорациями для защиты интересов великих держав, позволит лучше понять устойчивые тренды, закономерности и экстраполировать их динамику, предложив более корректные сценарии развития политического будущего миропорядка либо уточнив предложенные сценарии *Triplex Mundi*, *Duplex Mundi* и *Multiplex Mundi*.

Пока говорить о полномасштабной аксиомахии (ценностной войне) на основе ИИ-технологий между тремя великими державами – Россией, США, Китаем, а также средними и малыми державами – еще рано, однако последние исследования о ценностной окрашенности нейросетевых алгоритмов уже позволяют предположить подобные гибридные конфликты в недалеком будущем, несмотря на свою экзотичность. Такие гибридные конфликты, скорее, станут предполагать ценностно-информационное противоборство, при котором цифровые технологии станут практиковаться великими державами и их союзниками для *ценностной интервенции*. Формы ценностной интервенции становятся вновь актуальными в современных межгосударственных конфликтах, так как они ориентированы как на политическую элиту, так и на поддерживающие их социальные категории граждан. «Ценностная перезагрузка» мировоззрения поддерживающих политическую элиту социальных категорий минимизирует необходимость более затратного военного, экономического и политического противостояния великой державы со своим геополитическим конкурентом. Тогда как ценностная интервенция, направленная цифровыми корпорациями великой державы на мировоззрение политической элиты страны-конкурента, способна нивелировать в последней любые ранее выработанные стратегии, внести хаос в ее экономику, геополитику и подвергнуть фундаментальной ревизии сами интересы страны-«жертвы». Аксиомахии пока мешает и отсутствие полноценно сложившихся антагонистических ИИ-пространств планетарного масштаба.

Правда, исследователи отмечают тренд формирования вокруг американского и китайского стеков двух ИИ-пространств. Выражаясь терминологией Л. Альтюссера, алгоритмы, технологии, инфраструктура, корпоративные разработчики, политические заказчики в сфере ИИ постепенно становятся новой формой интеллектуального идеологического аппарата, ответственного за механизмы воспроизводства мировоззренческих картин, готовых политических моделей мира для населения великих держав и населения союзных им средних и малых держав. Ключом к возникновению экономически и политически выгодной, комфортной для великой державы цифровой ойкумены, ИИ-пространства становятся ее налоговые резиденты-цифровые корпорации, вырабатывающие и распространяющие цифровые стандарты в других странах. В этой ситуации России стратегически необходимо для сохранения ее ценностного суверенитета и цифрового суверенитета (как форм государственного суверенитета) создавать благоприятные условия для государственно-частного партнерства, финансирования, привлечения венчурного капитала в сфере развития технологий искусственного интеллекта. *Ключом к контролю над эффектом палладиума является разработка современной и адаптивной стратегии по защите цифровой и ценностной форм государственного суверенитета.*

России нельзя игнорировать своих постсоветских партнеров, одновременно ей нежелательно угодить в тотальную зависимость от зарубежных цифровых стандартов и технологий, а значит, для этого придется генерировать собственный *российский стек* (Russian stack), как минимум, сочетая это с гарантиями защиты цифрового суверенитета и ценностного

суверенитета постсоветских государств, оберегающими их от рисков и угроз цифрового, ценностного, экономического неокOLONиализма. Но и для укрепления самого российского стека (Russian stack) потребуется как мировоззренческая консолидация политической элиты, внутриполитическая концентрация на развертывании национальной техноэкономической платформы, так и внешнеполитическая стратегия развертывания третьего российского ИИ-пространства (наряду с ИИ-пространствами Китая и США) с целью поддержки своих корпоративных игроков, собственной обширной цифровой ойкумены, способной сохранить российские ценности и ценности группы постсоветских государств. Только создав систему таких гарантий обеспечения региональной цифровой, экономической и военно-политической безопасности на постсоветском пространстве посредством общепринятых данными странами норм и цифровых стандартов, Россия получит бесценный и уникальный опыт, позволяющий ей быть мощным гарантом справедливого миропорядка для государств других регионов мира – от Африки до Латинской Америки. В основе такого нового порядка может быть отсутствие двойственности, двусмысленности, политики «двойных стандартов» в межгосударственных отношениях, учет продовольственных, экологических, социально-политических, экономических проблем стран разных регионов мира, отрицание принципа деления стран на элитную группу «избранных» и подчиненную группу «отверженных».

Несмотря на авторскую рефлексию и признание дискуссионности выбранной проблемы, важно подчеркнуть перспективность изучения эффекта палладиума, которое может помочь открыть схожие, но до сих пор скрытые феномены ценностного противоборства, ценностных интервенций во время «лежащих на поверхности» открытых политических конфликтов между наиболее мощными в экономическом, военном и технологическом плане государствами с древнейших времен, «преемники» которых в настоящее время определяются политологами-реалистами в качестве великих держав. Возвращаясь к троянской истории, важно напомнить, что греки смогли победить Трои с помощью технологии – небезызвестного Троянского коня, но благодаря одной из версий мифа также понятно, что это было бы сложно сделать, если бы греки не похитили у троянцев сакральный оберег их государства – Палладиум. Ценностное, цифровое, политическое и социально-экономическое все сложнее отделить друг от друга. И эта сложность будет определять развитие человечества, великих держав и других государств в ближайшее столетие.

Благодарности

Исследование выполнено в НИЯУ МИФИ в рамках проекта «FSWU-2023-0080 – Ключевые ценностные ориентиры современного российского мировоззрения» (соглашение №075-03-2023-097/10 от 22.09.2023 г.) при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

Литература

1. *Алексеев Р.А.* Искусственный интеллект на службе государства: аргументы «за» и «против» //Журнал политических исследований. 2020. Т. 4. №2. С. 58-69. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-58-69.
2. *Аллисон Г.* Обречены воевать. /Пер. с англ. В. Желнинова. М.: АСТ. 2019. 416 с.
3. *Быков И.А.* Политика и сетевые актанты в информационной экосистеме //Медиа в современном мире. 62-е Петербургские чтения: Сборник материалов ежегодного 62-го Международного научного форума. В 2-х томах. Отв. редактор А.А. Малышев. Том 2. СПб.: ООО "Медиапапир". 2023. С. 228-229.
4. *Вергилий.* Буколики. Георгики. Энеида. /Пер. с лат. С.А. Ошерова, под ред. Ф.А. Петровского. М.: Худож. лит. 1979. 552 с.
5. *Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М.* Возможности и особенности формирования мировоззрения в цифровой коммуникационной среде: по материалам экспертного исследования //Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2023. Т. 19. № 1. С. 58-79. DOI: 10.21638/spbu23.2023.105.

6. *Выходец Р.С.* Большие ИИ-пространства и стратегия России в условиях санкционной войны //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 2. С. 256-270. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-256-270.
7. *Дементьев В.Е.* Перспективы России при цифровом доминировании Китая и США //Проблемы прогнозирования. 2022. № 4(193). С. 6-17. DOI: 10.47711/0868-6351-193-6-17.
8. *Ефременко Д.В.* Двойная ловушка Фукидида. Президентство Дональда Трампа и новая биполярность //Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. №4(104). С. 126-147.
9. *Иванов В.В., Малинецкий Г.Г.* Большие вызовы XXI века //Инновации. 2020. № 2 (256). С. 3-13. DOI: 10.26310/2071-3010.2020.256.2.001.
10. *Киссинджер Г., Шмидт Э., Хаттенлокер Д.* Искусственный разум и новая эра человечества. /Пер. с англ. М.: Альпина ПРО. 2022. 200 с.
11. *Крижанич Юрий.* Политика. М.: Новый Свет. 1997. 527 с.
12. *Кропачев Н.М., Архинов В.В.* Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты //Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. Вып. 2. С. 294-306. DOI: 10.21638/spbu14.2023.201.
13. *Лексютина Я.В., Сизов Г.А.* Цифровой шёлковый путь: особенности и перспективы развития //Проблемы национальной стратегии. 2022. № 6 (75). С. 324–339. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_6_324.
14. *Орлов А.А., Сопленков С.В., Альбертина В.А.* Идеи справедливого мирового порядка: исторический опыт Западной, Центрально-Восточной Европы и России (середина XV - начало XXI вв.) //Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016. № 4. С. 63-76.
15. *Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Эксмо, Алгоритм, 2004. 640 с.
16. *Платон.* Законы, Послезаконие, Письма. СПб.: Наука. 2014. 519 с.
17. *Сучков М.А.* «Геополитика технологий»: международные отношения в эпоху Четвертой промышленной революции //Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. № 2. С. 138-157. DOI: 10.21638/spbu06.2022.202.
18. *Торкунов А.В.* Россия и политический порядок в меняющемся мире: ценности, институты, перспективы //Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 7-22. DOI: 10.17976/jpps/2022.05.02.
19. *Тютчев Ф.И.* Россия и Запад. / Сост., коммент. Б.Н. Тарасова. М., 2016. 592 с.
20. *Федорченко С.Н.* Государство-цивилизация в цифровой ойкумене //Журнал политических исследований. 2023. Т. 7. № 1. С. 3-26. DOI: 10.12737/2587-6295-2023-7-1-3-26.
21. *Фукидид.* История. /Пер. с древнегр. и примеч. Г.А. Стратановского. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2021. 800 с.
22. *Цымбурский В.Л.* Россия – Земля за Великим Лимитрофом. М.: Эдиториал УРСС. 2000. 144 с.
23. *Цымбурский В.* Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. М.: Европа. 2011. 372 с.
24. *Althusser L.* Idéologie et appareils idéologiques d’Etat //Althusser L. Positions (1964–1975). Paris: Les Éditions sociales. 1976. P. 67–125.
25. *Arquilla J., Ronfeldt D.* Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy. RAND, 2001. Santa Monica, CA: RAND Corporation. 352 p.
26. *Bakonyi J.* Modular sovereignty and infrastructural power: The elusive materiality of international statebuilding //Security Dialogue. 2022. Vol. 53. Iss. 3. P. 256-278. DOI: 10.1177/09670106211051943.
27. *Bremmer I.* The Next Global Superpower Isn’t Who You Think //Foreign Policy. 2023. JUNE 17. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/06/17/china-russia-us-multipolar-world-technology/> (27.09.2023).
28. *Caliskan A. et al.* Semantics derived automatically from language corpora contain human-like biases //Science. 2017. Vol. 356. Iss. 6334. P. 183-186. DOI:10.1126/science.aal4230.

29. Clarke R.A., Knake R.K. *Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do About It*. New York: Ecco. 2010. 320 p.
30. Craig A., Valeriano B. *Realism and Cyber Conflict: Security in the Digital Age //Realism in Practice: An Appraisal*. Ed. by D. Orsi, J.R. Avgustin, M. Nurnus. Bristol: E-International Relations, 2018. P. 85-101.
31. Floridi L. *The Fight for Digital Sovereignty: What It Is, and Why It Matters, Especially for the EU //Philosophy & Technology*. 2020. 33. P. 369-378. DOI: 10.1007/s13347-020-00423-6.
32. Mearsheimer J.J. *Donald Trump Should Embrace a Realist Foreign Policy //The National Interest*. November 27, 2016. URL: <https://nationalinterest.org/feature/donald-trump-should-embrace-realist-foreign-policy-18502> (27.09.2023).
33. Mearsheimer J.J. *Great power rivalries: the case for realism //Le Monde diplomatique*. August 2023. URL: <https://mondediplo.com/2023/08/02great-powers> (27.09.2023).
34. Ranke L. von. *Die groben Mächte*. Hamburg: Tredition Classics. 2012. 188 s.
35. Rolf S., Schindler S. *The US–China rivalry and the emergence of state platform capitalism //Environment and Planning A: Economy and Space*. 2023. Vol. 55. Iss. 5. P. 1255-1280. DOI: 10.1177/0308518X221146545.
36. Rothstein R.L. *Alliances and Small Powers*. N.Y.-L.: Columbia University Press. 1968. 331 p.
37. Valeriano B., Maness R.C. *Cyber Spillover Conflicts: Transitions from Cyber Conflict to Conventional Foreign Policy Disputes? //Conflict in Cyber Space: Theoretical, Strategic, and Legal Perspectives*. Ed. by J. Ringsmore, K. Friis, London: Routledge. 2016. P. 45-64.
38. Xu Y. *Programmatic Dreams: Technographic Inquiry into Censorship of Chinese Chatbots //Social Media + Society*. 2018. Vol. 4. No. 4. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305118808780>.

References

1. Alekseev R.A. *Iskusstvennyy intellekt na sluzhbe gosudarstva: argumenty «za» i «protiv» [Artificial intelligence in the service of the state: arguments "for" and "against"]*, *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Research]. 2020, V. 4, I. 2, pp. 58-69. DOI: 10.12737/2587-6295-2020-58-69. (In Russian).
2. Allison G. *Obrecheny voevat' [Are doomed to fight]*. M., AST Publ., 2019, 416 p. (In Russian).
3. Bykov I.A. *Politika i setevye aktanty v informatsionnoy ekosisteme [Politics and network actors in the information ecosystem]*, *Media v sovremennom mire. 62-e Peterburgskie chteniya: Sbornik materialov ezhegodnogo 62-go Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma* [Media in the modern world. 62nd St. Petersburg Readings: A collection of materials from the annual 62nd International Scientific Forum. In 2 volumes], V. 2, St. Petersburg, Mediapapir LLC Publ., 2023. pp. 228-229. (In Russian).
4. Vergiliy. *Bukoliki. Georgiki. Eneida* [Bucolic. Georgics. Aeneid]. M., Art. lit. Publ., 1979, 552 p. (In Russian).
5. Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N., Pechenkin N.M. *Vozmozhnosti i osobennosti formirovaniya mirovozzreniya v tsifrovoy kommunikatsionnoy srede: po materialam ekspertnogo issledovaniya [The possibilities and features of the formation of a worldview in the digital communication environment: based on the materials of an expert study]*, *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS [Political expertise: POLITEX]*, 2023, V. 19, I. 1, pp. 58-79. DOI: 10.21638/spbu23.2023.105. (In Russian).
6. Vykhodets R.S. *Bol'shie II-prostranstva i strategiya Rossii v usloviyakh sanktsionnoy voyny [Large AI spaces and Russia's strategy in the context of the sanctions war]*, *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations], 2022, V. 22, I. 2, pp. 256-270. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-256-270. (In Russian).
7. Dement'ev V.E. *Perspektivy Rossii pri tsifrovom dominirovanii Kitaya i SShA [Prospects of Russia under the digital dominance of China and the USA]*, *Problemy prognozirovaniya [Forecasting problems]*, 2022, I. 4(193), pp. 6-17. DOI: 10.47711/0868-6351-193-6-17. (In Russian).

8. Efremenko D.V. Dvoynaya lovushka Fukidida. Prezidentstvo Donal'da Trampa i novaya bipolyarnost' [The double trap of Thucydides. The Presidency of Donald Trump and the new bipolarity], *Rossiia v global'noy politike* [Russia in global politics], 2020, V. 18, I. 4(104), pp. 126-147. (In Russian).
9. Ivanov V.V., Malinetskiy G.G. Bol'shie vyzovy XXI veka [Big challenges of the XXI century], *Innovatsii* [Innovation], 2020, I. 2 (256), pp. 3-13. DOI: 10.26310/2071-3010.2020.256.2.001. (In Russian).
10. Kissindzher G., Shmidt E., Khattenloker D. *Iskusstvennyy razum i novaya era chelovechestva* [Artificial intelligence and a new era of humanity], M., Al'pina PRO Publ., 2022. 200 p. (In Russian).
11. Krizhanich Yuriy. *Politika* [Politics], M., Novyy Svet, 1997, 527 p. (In Russian).
12. Kropachev N.M., Arkhipov V.V. Traditsionnye dukhovno-nravstvennye tsennosti v kontekste tsifrovoy transformatsii obshchestva: teoretiko-pravovyye aspekty [Traditional spiritual and moral values in the context of digital transformation of society: theoretical and legal aspects], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo* [Bulletin of St. Petersburg University. Right], 2023, V. 14, I. 2, pp. 294-306. DOI: 10.21638/spbu14.2023.201. (In Russian).
13. Leksyutina Ya.V., Sizov G.A. Tsifrovoy shelkovyy put': osobennosti i perspektivy razvitiya [Digital Silk road: features and prospects of development], *Problemy natsional'noy strategii* [Problems of the national strategy], 2022, I. 6 (75), pp. 324-339. DOI: 10.52311/2079-3359_2022_6_324. (In Russian).
14. Orlov A.A., Soplenkov S.V., Al'bertina V.A. Idei spravedlivogo mirovogo poryadka: istoricheskiy opyt Zapadnoy, Tsentral'no-Vostochnoy Evropy i Rossii (seredina XV - nachalo XXI vv.) [Ideas of a just world order: the historical experience of Western, Central-Eastern Europe and Russia (mid-XV - early XXI centuries)], *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly* [Locus: people, society, cultures, meanings], 2016, I. 4, pp. 63-76. (In Russian).
15. Panarin A.S. *Strategicheskaya nestabil'nost' v XXI veke* [Strategic instability in the XXI century], M., Eksmo, Algoritm Publ., 2004, 640 p. (In Russian).
16. Platon. *Zakony, Poslezakonie, Pis'ma* [Laws, Post-Law, Letters], SPb., Nauka Publ., 2014, 519 p. (In Russian).
17. Suchkov M.A. «Geopolitika tekhnologiy»: mezhdunarodnye otnosheniya v epokhu Chetvertoy promyshlennoy revolyutsii ["Geopolitics of technology": international relations in the era of the Fourth Industrial Revolution], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of St. Petersburg University. International relations], 2022, V. 15, I. 2, pp. 138-157. DOI: 10.21638/spbu06.2022.202. (In Russian).
18. Torkunov A.V. Rossiya i politicheskiy poryadok v menyayushchemsya mire: tsennosti, instituty, perspektivy [Russia and the political order in a changing world: values, institutions, prospects], *Polis. Politicheskie issledovaniya* [The policy. Political research], 2022, I. 5, pp. 7-22. DOI: 10.17976/jpps/2022.05.02. (In Russian).
20. Fedorchenko S.N. Gosudarstvo-tsvivilizatsiya v tsifrovoy oykumene [State-civilization in the digital ecumene], *Zhurnal politicheskikh issledovaniy* [Journal of Political Studies], 2023, V. 7, I. 1, pp. 3-26. DOI: 10.12737/2587-6295-2023-7-1-3-26. (In Russian).
21. Fukidid. *Istoriya* [History], St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Atticus, 2021, 800 p. (In Russian).
22. Tsymburskiy V.L. *Rossiia – Zemlya za Velikim Limitrofom* [Russia – The Land beyond the Great Limitrof], M., Editorial URSS, 2000, 144 p. (In Russian).
23. Tsymburskiy V. *Kon'yunktury Zemli i Vremeni. Geopoliticheskie i khronopoliticheskie intellektual'nye rassledovaniya* [Conjunctures of the Earth and Time. Geopolitical and chronopolitical intellectual investigations], M., Europe, 2011, 372 p. (In Russian).
24. Althusser L. *Idéologie et appareils idéologiques d'Etat*, Althusser L. *Positions (1964–1975)*, Paris, Les Éditions sociales Publ., 1976, pp. 67–125.
25. Arquilla J., Ronfeldt D. *Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy*, RAND, 2001. Santa Monica, CA: RAND Corporation Publ., 352 p.
26. Bakonyi J. Modular sovereignty and infrastructural power: The elusive materiality of international statebuilding, *Security Dialogue*, 2022, V. 53, I. 3, pp. 256-278. DOI: 10.1177/09670106211051943.

27. Bremmer I. The Next Global Superpower Isn't Who You Think, *Foreign Policy*, 2023, JUNE 17. Available at: <https://foreignpolicy.com/2023/06/17/china-russia-us-multipolar-world-technology/> (Accessed: 27.09.2023).
28. Caliskan A. et al. Semantics derived automatically from language corpora contain human-like biases, *Science*, 2017, V. 356, I. 6334, pp. 183-186. DOI:10.1126/science.aal4230.
29. Clarke R.A., Knake R.K. *Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do About It*, New York, Ecco Publ., 2010, 320 p.
30. Craig A., Valeriano B. Realism and Cyber Conflict: Security in the Digital Age, *Realism in Practice: An Appraisal*, Ed. by D. Orsi, J.R. Avgustin, M. Nurnus. Bristol, E-International Relations, 2018, 85-101.
31. Floridi L. The Fight for Digital Sovereignty: What It Is, and Why It Matters, Especially for the EU, *Philosophy & Technology*, 2020, 33, pp. 369-378. DOI: 10.1007/s13347-020-00423-6.
32. Mearsheimer J.J. Donald Trump Should Embrace a Realist Foreign Policy, *The National Interest*, November 27. 2016. Available at: <https://nationalinterest.org/feature/donald-trump-should-embrace-realist-foreign-policy-18502> (Accessed: 27.09.2023).
33. Mearsheimer J.J. Great power rivalries: the case for realism, *Le Monde diplomatique*, August 2023. Available at: <https://mondediplo.com/2023/08/02great-powers> (Accessed: 27.09.2023).
34. Ranke L. von. *Die groben Mächte*. Hamburg, Tredition Classics Publ., 2012, 188 p.
35. Rolf S., Schindler S. The US-China rivalry and the emergence of state platform capitalism, *Environment and Planning A: Economy and Space*, 2023, V. 55, I. 5, pp. 1255-1280. DOI: 10.1177/0308518X221146545.
36. Rothstein R.L. *Alliances and Small Powers*. N.Y.-L., Columbia University Press Publ., 1968, 331 p.
37. Valeriano B., Maness R.C. Cyber Spillover Conflicts: Transitions from Cyber Conflict to Conventional Foreign Policy Disputes? *Conflict in Cyber Space: Theoretical, Strategic, and Legal Perspectives*, Ed. by J. Ringsmore, K. Friis, London, Routledge Publ., 2016, pp. 45-64.
38. Xu Y. Programmatic Dreams: Technographic Inquiry into Censorship of Chinese Chatbots, *Social Media + Society*, 2018, V. 4, I. 4. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305118808780> (Accessed: 27.09.2023).